

Дарья Гущина

Мёртвое Время

Семиречье

18+

Семиречье

Дарья Гущина
Мёртвое время

«Автор»

2022

Гущина Д.

Мёртвое время / Д. Гущина — «Автор», 2022 — (Семиречье)

Мёртвое время в Семиречье – это время долгих колдовских туманов, злых ветров и древних тайн. И очень старых призраков, которые просыпаются от спячки и, напившись колдовской силы туманов, выползают из своих убежищ. Мстить. Узнавать правду. Возвращать украденные из могилы ценности. Или просто убивать. Две недели до начала зимы матушке Шанэ и команде сыскников скучать не придётся. Общего сюжета нет. Есть семь детективно-колдовских историй, и каждая со своим сюжетом. Но город и герои – одни и те же. Вторая книга цикла «Семиречье».

© Гущина Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Дело 1: Невеста для мертвеца	5
Дело 2: Никто из ниоткуда	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дарья Гущина

Мёртвое время

Дело 1: Невеста для мертвеца

С самого обеда дел было невпроворот. И выходной день, и с очень «прибыльным» дождём – с таким, который сначала закончится (и тучи разойдутся, и солнце поманит и пригреет), а потом внезапно как хлынет и на три часа. И все, кто рискнул выйти на прогулку, конечно, быстро разбрелись по закусочным, рюмочным и чайным. А к ужину ещё и гроза засверкала и разворчалась: молнии били одна за другой, гром гремел без остановки, дождь хлестал, как одержимый.

В чайной матушки Шанэ все, включая её саму, бегали с подносами. Залы с раннего вечера заполнились промокшими людьми, даже дополнительные столы и стулья пришлось поставить. И, тревожно поглядывая на часы, матушка потихоньку смирялась: сегодня призраку прийти будет некуда. В лучшем случае она улучит момент и зажжёт путеводную свечу на своей кухне наверху или в тёплой беседке. Правда, и туда призрак вряд ли явится – они пугаются большого скопления народа. Хотя... Может, и повезёт. И убийств сегодня не случится. Осень-то закончилась. Настала пора буйного Мёртвого времени, когда люди отсыпаются, зато из подземий выползает старая гадость, – пора древних призраков и полузабытого колдовства.

Однако ближе к одиннадцати ночи посетителей в чайной осталось немного – кто-то сам по себе рискнул убежать в грозу, за кем-то друзья и родственники с колдовскими плащами и склянками зашли. В зале-прихожей задержались лишь трое сонных одиночек да парочка, парень с девушкой, за дальним столиком.

То и дело проходя мимо них, матушка Шанэ хмурилась: что-то с ними (или с кем-то одним) было не так. И лишь незадолго до полуночи, когда появилась минутка выдохнуть, матушка присмотрелась к парочке и с изумлением поняла: девушка была живая, а парень мёртвый. А ещё она явно знала о его присутствии и общалась с ним без волшебных чаёв.

Заметив, что девушка давно сидит с пустой чашкой, матушка быстро сбегала на кухню, наполнила поднос необходимым и вернулась. И, подливая чай, украдкой шепнула:

– Дочка, ты знаешь, что не одна здесь? За своим столом?

Девушка вздрогнула и вскинула на неё глаза – тёмные, испуганные. Кожа, как и у всех северян, очень светлая, а волосы чёрные, южные. Полукровка. Потому, подумалось матушке, и призрак чувствуется. Колдовство творить на Юге немногие могут, а вот видеть или слышать духов там в порядке вещей.

– Знаю, – прошептала девушка. – Он меня сюда и привёл. Ну и слухи. Что вы... их видите.

– А ты видишь? – матушка Шанэ поставила перед ней блюдце с медовиком.

– Слышу только. Плохо... но слышу.

– Никуда не уходи, – предупредила матушка. – Чайку попей пока, тортик съешь. Я скоро вернусь. И поговорим. Хорошо?

Девушка нервно кивнула. А парень, во время разговора сидевший рядом с ней тише мыши, глянул исподлобья, с вызовом. Светлые волосы, светлые глаза, никаких признаков чужого насилия – не отличить от обычного посетителя. Разве что одежда – штаны да рубаха – слишком мятые и странно несвежие.

– Не балуй, – матушка Шанэ погрозила ему пальцем. – Вижу, что набрался силы от рек, вижу. Не первый день как помер. Но не балуй. Не то плохо упокаивать буду. Неприятно. А то и навсегда. И не свидишься с ней в следующем своём воплощении. Понял?

Призрак неохотно кивнул.

– Ждите, – матушка подхватила поднос с грязной посудой.

А сама уже думала, как провести их наверх незаметно для остальных посетителей. Или всё-таки к тёплой беседке ключ дать, и пусть там подождут? Или выдать грустным одиночкам по склянке с заклятием-непромокайкой – за счёт заведения? В Семиречье – краю дождей, луж и вечной сырости – непромокаемые плащи не были роскошью, однако спасали они не от всякого дождя, да и недолго.

Решено. Беседка – это удобно, но старые кости матушки так возражают против улицы...

Спустя полчаса прихожая почти опустела.

– Сюда, – матушка Шанэ открыла неприметную дверку наверх. – Поднимайтесь и будьте как дома. Я сейчас.

Подсчитать оставшихся гостей и раздать указания служанкам – дело десяти минут. Когда матушка снова открыла дверь, то обнаружила странную парочку в коридоре – призрачный парень сидел на нижней ступеньке, а девушка мялась рядом, теребя тёмную клетчатую юбку.

– Поднимайтесь, – мягко повторила матушка Шанэ. – Не стесняйтесь. Ещё не все посетители разошлись, а я не могу говорить с призраком и о призраках у всех на виду. Мне хватает тех слухов, которые уже ходят о моей семье. Ну же!

Парень встал и посторонился, пропуская девушку. А она если и не видела, то точно ощущала – поняла, что лестница свободна, и, подобрав юбку, поднялась по ступенькам. Призрак, бросив на матушку предупреждающий взгляд, поднялся следом. А хозяйка чайной, уже сгорая от любопытства, устремилась за ними.

Какая интересная парочка...

На кухне матушка Шанэ заставила девушку снять плащ и сесть за стол. Хотела привычно предложить чаю, но, вспомнив о несъеденном пирожном и полной чашке на столике внизу, передумала. Молча указала парню на второй стул и принесла из спальни третий. А после зажгла свечу и, шепча призыв на южном языке, внимательно всмотрелась в трепещущий огонёк. Тот, помедлив, запыхал не привычным голубым, а тёмным багрянцем.

– Так я и знала, – матушка цокнула языком. – Не по адресу вы пришли, дети. Ко мне убитые приходят, а ты, сынок, сам умер. Своей смертью. Тебе к моей старшей дочке надобно. Я тебя отпустить к Причалу не смогу. А ну-ка, скажи что-нибудь. Да не упрямясь!

Призрак что-то недовольно пробурчал.

– Кьон, – упрекнула девушка, – ну зачем ты так? Привёл, пообещал помощь, а сам?

Парень угрюмо посмотрел на матушку и сипло сказал:

– Меня Кьон зовут. А это Гарэ. Моя невеста. И почти жена. Хотя я уже давно... – и закашлялся, будто до сих пор болел.

– Так-так-так! – оживилась матушка Шанэ. Вместо любимого чая запахло не менее любимыми тайнами. – Кто расскажет?

– Я, – девушка достала из кармана длинной зелёной безрукавки мятый носовой платок. – Дурная у нас история... но вы нам верьте, ладно?

– А есть в чём сомневаться? – уточнила матушка.

– Вы южанка, – пояснила Гарэ тихо, – как и я. Но я тут родилась и выросла. Как и мои родители. Мы чуть больше законов знаем, понимаете? Старых законов. Древних.

Тайной запахло ещё сильнее. Матушка Шанэ выжидательно откинулась на спинку стула.

– Мы дружили с детства, – начала девушка неловко. – Жили по соседству – так и познакомились. А вот родители не общались. Совсем. Моя семья – торговцы. Две луны в дороге – пару дней дома – опять три луны в дороге. Меня всегда с бабушкой оставляли. Вот и сейчас моих в Семиречье ещё нет. И домой они вернутся только к зиме. К холодам. В мороз в пути неуютно.

Матушка Шанэ согласно кивнула: конечно, неуютно.

– Жениться мы вообще-то не собирались, – продолжила Гарэ ещё тише и опустила глаза. – Дружили и дружили. Общались и общались. Привыкли друг к другу. А любви большой не было.

– Была, – поправил парень хрипло. – Но не та, которая для семьи.

Матушка снова закивала понимающе. Старая дружба...

– Недавно мы с родителями переехали на другой остров, и с тех пор отец Кьюна начал намекать на храм, – девушка вздохнула. – А потом и прямо спрашивать, когда я в гости приезжала: когда, мол, образумитесь? Мы с Кьюном поговорили, и он решил уехать – вроде как на заработки. А я бы тем временем мужа выбрала. Родители давно сватают то одного, то второго.

– И я, дурак, уехал, – скривился призрак.

– Кто же знал, что так всё выйдет... – грустно посмотрела на него Гарэ. – И кто знает, что бы было, если бы не уехал...

Из-за приоткрытой двери выглянул полосатый кот – принялся, в упор посмотрел на Кьюна и с нагло-ленивой грацией вспрыгнул на стол. И разлёгся на светлой скатерти.

– Может, чаю всё-таки? – улыбнулась матушка Шанэ, вставая.

Кот тихо заурчал – он сегодня ещё не ужинал и мягко намекал, что пора. И хозяйке бы тоже поесть не помешало.

– Вы ужинайте, конечно! – встrepенулась девушка. – Простите, что мы вот так... Мы подождём!

Матушка сманила кота на пол миской с молоком, перестелила скатерть и принесла из спальни поднос с «призрачным» чаем. Заварила свежий для них с Гарэ и поставила перед девушкой пёструю чашку. И мягко попросила:

– Ты рассказывай, дочка, рассказывай.

За окном по-прежнему ворчала гроза. Колотил по крыше дождь, заливали окно ручьи, озаряли небо призрачные вспышки ветвистых молний. А на тёплой кухоньке потрескивало в очаге пламя. Мерцали золотые светильники. Урчал довольный кот. И вкусно – и для каждого по-своему – пахло чаем.

Матушка Шанэ накрыла на стол – сыр, овощи, зелень, печенье. А пока она готовила поздний перекус, Гарэ поведала очень неприятную и крайне странную историю.

– В прошлом Севера было несколько страшных периодов – войны с островитянами за землю, тёмные поветрия с Юга и тех же островов. Иногда молодые люди проживали каждый день как последний – и никто не знал, на войну ли его призовут, болезнь ли заберёт. Умирало много, но и рождалось тоже. А чтобы дети не росли без семьи, чтобы их матери не умирали от голода и нищеты, если они и сами осиротеют, в храмах разрешили жениться без присутствия жениха. Достаточно было его письма, что он согласен и признаёт ребёнка. И в храм с невестой за него шёл и отец, и даже дед, и даже младший брат – и даже если ему до брачного возраста расти и расти. И девушка выходила замуж даже за мертвеца.

Матушка аж перестала жевать:

– Что?..

– Да, – подтвердила Гарэ. – Даже если парень умирал, он всё равно... женился. И невеста, особенно если ребёнка ждала, всё равно за него выходила.

Матушка Шанэ быстро глянула на угрюмого призрака, на бледную взволнованную девушку и начала кое-что понимать.

– Дичь какая... – проворчала она. – Неужто это до сих пор в ходу?

– Редко, – мрачно заметил Кьюн. – Но бывает. И у нас – вы же поняли, да? – тот самый случай.

– Но если вы не собирались жениться, значит, и писем никаких не должно быть? – нахмурилась матушка.

– Моё отец подделал, – парень скривился. – У него с деньгами плохо в последнее время. Он этот... игрок, в общем. То много выиграет, то всё спустит. А нормально работать не хочет. Видать, проигрался сильно, надеялся на приданое Гарэ. И деньги, поди, собирался из её родителей тянуть – по-родственному.

– А я в детстве, когда Кьон сильно болел, письма ему писала, – опустила глаза Гарэ, пуще прежнего затеребив платок. – И в одном написала, что замуж за него пойду, только бы поправился... – и с упрёком посмотрела на тот стул, где сидел призрак: – Почему ты их не сжёг? Зачем хранил?

– Да кто бы знал... – огрызнулся парень. – А что такого? Ну хранил и хранил. Жалко было.

– Получается, ушлый твой папаша, сынок, одно поддельное письмо подкрепил вторым письмом-согласием... – матушка Шанэ взяла с тарелки кусочек сыра. – И этого хватило?

– В храмах чтят древние законы, – кивнула Гарэ. – Хватило, чтобы женихом-невестой объявить. Для начала. Уехал парень – и испугалась девица, что он с невестой вернётся, а она в положении... А через луну он бы другое письмо за сына сочинил и подделал – умираю, мол, а девушка-то ребёнка ждёт... и всё. А мне бы сказали, когда бы мои родители вернулись. И его отец пришёл бы со свидетельством и за приданым. И никак эти узы не разорвать. Даже если за мертвеца замуж вышла, лет пять придётся быть женой – пока траур и прочее.

– Я узнал о помолвке, – Кьон передёрнул плечами. – И сразу же предупредил. А о вашей южной силе ещё по дороге домой наслушался. От призраков.

– Чай пейте, дети, – матушка Шанэ встала и отошла к окну.

И долго смотрела на текущие по стеклу мутные потоки дождя, обдумывая услышанное. Вроде не её это дело, но как отвернуться? А дочери опыта может не хватить. И нужных связей.

Она обернулась к столу. Гости, конечно, к чаю снова не притронулись – лишь смотрели искоса то друг на друга, то на хозяйку дома.

– А сходить в храм и объяснить ситуацию ты не пробовала? – матушка Шанэ оперлась о подоконник.

– Мне страшно, – тихо ответила Гарэ. – Я ведь не знаю, из какого храма свидетельство. Их же десятки – храмов Семи рек. Пока буду бегать туда-сюда, папаша Кьона прознает. И поторопится с женитьбой. Кьон предупредил, что он подкупить может. И меня украсть и опотить, чтобы «жениться». На всё ради больших денег готов. А после и к бабуле пристать – подписывай бумагу на приданое... и не только на него. А бабуля с головой плохо дружит. То при памяти, то как ребёнок. Если он в такой момент явится, мы вообще на улице окажемся и без денег – дом-то бабушке принадлежит, как и торговое дело.

– И других взрослых родственников у тебя здесь нет?

Девушка грустно покачала головой, а Кьон зло напрягся.

– Момент-то какой выбрал, подлец... – сердито сплюнула матушка. – И ты, права, конечно, не стоит тревожить мошенника. Пусть думает, что ты ничего не знаешь. А мы так поступим...

Она ещё раз всё взвесила и медленно произнесла:

– Ты, дочка, домой. А ты, сынок, со мной пойдёшь. С тобой мы ещё поработаем. А завтра утром я схожу к знакомому сыскнику и попрошу совета. Тело в любом случае кому-то надо искать, а для этого нужны основания. Если папаша подделал письмо после твоей смерти – а «возраст» бумаги и чернил колдун определит быстро, – решить проблему будет просто. Если же нет... то я даже не представляю, как вывести этого негодяя на чистую воду. Но, к счастью, для этого есть сыскники. Главное – для начала доказать факт смерти. И не спугнуть мошенника.

Гарэ послушно встала, а Кьон набычился и процедил:

– Одну её не отпущу.

– Я тоже, – улыбнулась матушка Шанэ. – За тобой теперь присмотр будет, дочка. Всегда. Пока всё не разрешится. И не украдёт никто, и на бабушку не надавит. За это не волнуйся. Вряд ли ты их увидишь, но услышишь точно. Мои помощники не спят, не едят и всегда на страже, – и строго добавила: – Чай. Оба. Выпейте. Не обижайте старую женщину.

Гости, покраснев, схватились за чашки, а матушка Шанэ достала из кармана передника мешочек, прошептала южные слова и подбросила в воздух горсть песка. И встали с пола два зверя – поджарый серый пёс и мощный, крупнее пса, пятнистый пустынный кот.

Матушка, присев, шёпотом объяснила помощникам задачу. Кьюн, поперхнувшись чаем, уставился на них во все глаза. А Гарэ, быстро проглотив свой, засобиралась – сняла плащ со спинки стула, расправила, оделась.

– Кто это?.. – выдохнул призрак.

– Таким же будешь, если меня не слушаешься, – строго посмотрела на него матушка. – Преступником, заколдованным на вечную службу во имя искупления старых грехов. Силу, что набрался, не тронь. Из дома, куда приведу, ни ногой. Отца убивать не смей, даже если очень зол. От такого ввек не отмоешься. Гарэ, видишь? – она указала на неподвижных помощников. – Хоть что-нибудь?

– Две тени, – прищурилась девушка.

– Хорошо, – матушка Шанэ улыбнулась. – Не бойся их. Это защита. Один всегда рядом с тобой будет, второй за домом присмотрит. Сама тоже лишний раз никуда не ходи. Вести появятся – зайду или через помощника письмо передам. Уговор?

Гости нервно переглянулись и кивнули.

– Идём, – матушка быстро переобулась и взяла непромокаемый плащ. – Девочку до пристани проводим, в лодку посадим, а потом в гости.

– К кому? – насторожился Кьюн.

– А много ли ты, сынок, помнишь? Предсмертного? Наверняка мало. Я предполагаю, как ты умер, – скорее всего, заболел. И вряд ли в последние дни жизни соображал и понимал, где находишься. А у меня нет над тобой власти – я с убитыми работаю. Ничем тебе не помогу. А вот моя старшая дочь – да, она поможет. И идти к ней недалече.

– А ничего, что посреди ночи? – внезапно вспомнил о вежливости парень.

– А она тебя наверняка уже ощущает и ждёт, – усмехнулась матушка Шанэ. – Не придём – сама сюда явится.

– Ну, где очнулся-то я помню, – сварливо бурчал Кьюн, следуя за матушкой по тёмной улице. – Ну... когда помер уже.

По-прежнему лил дождь, глухо ворчал гром, а серые тучи оплетали призрачные сети молний. Из рта при выдохе вырывались облачка пара – вот-вот дождь сменится снегом и вступит в свои права зима.

– Это мало что даст, – отозвалась матушка Шанэ из-под капюшона. – Если человек умирает в беспамятстве, его дух тоже какое-то время в растерянности и плохо соображает. И мечется. Тебя могло унести с места смерти и в соседний город, и ещё дальше. Конечно, хорошо, что есть отправная точка для поисков. Но это всего лишь отправная точка, сынок. Так где? И когда? Во времени ты ориентируешься?

– Само собой, – обиделся парень. – Я сразу, как очнулся, нашёл мужика с газетой и посмотрел на число. И потом наблюдал и считал, пока сюда добирался.

– Погоди, дойдём, – попросила она. – Время терпит.

У лавки булочника матушка Шанэ свернула в проулок. Третий остров, торговый и оживлённый, был застроен очень плотно – тесные проулки между домов и никаких оград. И люди чаще всего жили там же, где и работали: первый этаж – лавки или мастерские, второй – спальня. И все дети матушки жили на Третьем острове, неподалёку друг от друга.

Их действительно уже ждали – в тёмном окне призывно горел багряный огонёк, а входная дверь была открыта. И старшая дочь матушки, Данэ, караулила в прихожей, одетая, несмотря на за полночь, в рабочее синее платье.

– Ма, где ты его нашла? – Данэ чмокнула матушку в щёку и с любопытством посмотрела на хмурого Кьюна. – Заболел, да? Недели две назад, полагаю. Проходите, – она закрыла дверь и поёжилась: – Гроза-то ледяная какая... Ма, у меня на ночь останешься. Девочки обрадуются – они тебя всю осень только из окна видели. И не спорь. Я знаю, что свеча у тебя с собой. Давай плащ. Мои спят давно, в дальний кабинет пойдём.

Дом дочери был одним из самых старых в Семиречье – с тремя этажами, длинными широкими коридорами и лестницами, высокими потолками и окнами в пол. И противными ледяными сквозняками, от которых не спасали ни халаты, ни жарко растопленные очаги, ни согревающие стены заклатья. Однако и Данэ, и её гости отчего-то любили это неуютное строение. На первом этаже жила её семья – муж, две дочери и родители мужа, а на втором и третьем несколько лет назад обустроили гостевой дом, и его комнаты никогда не пустовали.

Выдав матушке тёплые тапки и пушистую шаль, Данэ, зябко кутаясь в шерстяной платок, взяла с тумбочки свечу и поспешила по сумеречному коридору вглубь дома – мимо дверей первого коридора, библиотеки, кладовок и кухни, до поворота налево и дверей гостиных. Второй кабинет из-за общения с призраками она нарочно обустроила как можно дальше от спален.

– Две недели... – пробормотала матушка Шанэ, идя за дочерью. – Сынок, а папаша твой когда в храм с письмами бегал?

– Да кто бы знал... – поморщился Кьюн. – Дат-то на подделке и помолвочном свидетельстве нет. Но я могу их стащить – силы есть. Надо?

– Ни в коем случае, – отказалась матушка. – Папаша твой заметит – неладное заподозрит. Но вот тщательно изучить свидетельство... А ещё больше надо признать тебя хотя бы пропавшим без вести, чтобы сыскники взялись за дело. Кто-нибудь, кроме папаша и подружки, может тебя хватиться? И есть ли у них повод?

– Матушка с отцом не живёт давно, – мрачно качнул головой парень. – Уж лет пять как у неё другая семья, и мы не общаемся. У нас никогда отношения не складывались. Дедов нет. Друзья есть – пара хороших ребят, но мы нечасто встречаемся и не переписываемся. Да и не спохватятся они – я им даже не говорил, что уезжаю. Думал, по дороге напишу, но не успел.

Данэ открыла дальнюю дверь и пропустила гостей вперёд.

Кабинет был крохотным – стол с зажжённой багровой свечой, два стула, кресло в дальнем углу и книжный шкаф подле. Вот и вся нехитрая обстановка. И, конечно, чайник, над которым вился, вытекая из длинного носика, ароматный дымок. Данэ отдернула штору и взяла с широкого подоконника поднос с чистыми кружками и пряниками.

– Садись, – кивнула она призраку. – Рассказывай. Да чай пей. Слишком давно ты умер, парень, потерянная память нескоро вернётся. Сразу нужное не вспомнишь, но чай поможет.

Матушка Шанэ пристроилась в кресле и с интересом выслушала историю Кьюна: уехал в начале осени, почти добрался до Приграничья, где жил друг и где парень собирался немного погостить. Но в дороге что-то случилось. До друга не добрался – это Кьюн помнил точно. А вот как и чем заболел, где слёг – нет.

– Очухался в Большеустье, – угрюмо закончил он. – Это мелкий городок в паре дней от Приграничья, где разливается Говорливая, а других рек нету. Своё тело не нашёл. Повезло ещё, что в городе уже лет сто, что ли, какой-то дед призраком торчит – вроде как сторожит его. Он мне и объяснил всё, и сюда направил. Я окрестности обшарил – а вдруг бы себя нашёл, – но нет. И сюда рванул.

Матушка, загодя достав из кармана плаща блокнот и песчаное перо, быстро записала данные и мягко спросила:

– А зачем остался? Почему от Призрачного причала отказался? Из-за девочки?

– Сначала из-за тела, – сморщился Кьюн. – Нечего валяться где попало. Хоть и не заплачет обо мне никто... а всё равно. Когда до дому добрался, думал, напишу папаше письмо – пусть найдёт. Отец всё-таки. Я к тому времени уже мог держать в руке предмет – минут пять, но мне бы хватило. А у него это свидетельство на столе. Сначала хотел в реку его... Но главное-то не в бумажке. А в храме. Оттуда-то запись никуда не денется.

– Сколько дней прошло между тем, как ты осознал себя призраком, и появлением дома? – Данэ разлила всем чай. – Как добирался? Что последнее живым помнишь?

Кьюн нахмурился и зашевелил губами, подсчитывая. Данэ поставила перед ним чашку с чаем, вторую отнесла матушке и села с третьей напротив призрака.

– Живым помню лодку, – наконец сказал он. – Бурная Говорливая... трусливый лодочник. Дед лодкой правил – колоритный, знаете, такой. С бородой до пупа и брови густые, глаз не видать. А ещё боялся он – реки боялся. Всё около берега держался почему-то. Как звать, не знаю. Но сел я к нему... в Тихолесье. Да. Вроде там. Поутру. А к ночи уснул... и всё. У деда ещё лодка очень старая и маленькая – там едва ли двое-трое усядутся.

Матушка и это быстро записала.

– От Большеустья досюда... неделя, – Кьюн снова нахмурился. – Но могу напутать – спешил я очень. Почти не останавливался, день и ночь торопился. Шёл на север по Говорливой. Бежал даже.

– И, конечно, набрался от неё, – покачала головой Данэ. – Да ещё и к началу Мёртвого времени поспел – когда силы рек из берегов выходят и пропитывают призраков туманами и днём, и ночью.

– А я виноват? – огрызнулся парень.

– Нет, конечно, – вмешалась матушка Шанэ. – Как вышло – так уж вышло. Не ссорьтесь, дети. Лучше вот что, сынок, скажи. Ты уехал в начале осени. Путешествовал. Как думаешь, не мог папаша сразу после твоего отъезда зажениться?

– Нет, – ответила за него Данэ. – Я читала об этом обряде, ма. Не мог. Сначала помолвка – чтобы подумать и чувства проверить. Но через луну молодые – или живой молодой – обязан прибыть в тот же храм для свадьбы или разрыва. В тот же день. Ровно через тридцать дней. Раз нашлось только помолвочное свидетельство, то время ещё есть.

– Но оно может кончиться в любой момент, – прошептала матушка.

– Что же случилось, из-за чего твой папаша заторопился? – проницательно посмотрела на призрака Данэ.

– Да проигрался поди, – скривился он. – Сильно. Сильнее обычного.

– Или всё-таки узнал от кого-то, что ты умер? – прищурилась матушка Шанэ. – Если в твоих документах написан папашин адрес, а твои вещи никто не стащил... Ему написали. Он подделал твоё согласие. И теперь выжидает. Эх, знать бы, сколько у нас времени до...

– С поддельными документами обряды сочтут недействительными, – заметила дочка. – Даже свадебный, если тот самый день случится завтра. Ма, ты куда?

– Однако девочку и её семью ограбят. Да убегут из Семиречья, да на дно залягут, – матушка Шанэ встала и поставила на стол пустую чашку. – Я к сысникам, дорогая. Ну-ну, не сверкай глазками на мать. Негоже тянуть.

– Я тоже, – подскочил Кьюн и торопливо проглотил чай. И с вызовом посмотрел на матушку: – Не запрёте здесь. Не смейте. Поздно. А запрёте – всё равно сбегу. Я смогу.

– Сможет, – со вздохом подтвердила Данэ, глядя на яростно полыхающую свечу. – У меня не хватит сил его удержать. Да и у тебя, ма, не хватило бы. Дай поручение. Лучше мы вместе полезное дело сделаем, чем он один всех до беды доведёт.

– Идите в дом папаша, – помедлив, решила матушка Шанэ. – Найдите это свидетельство. Раз ты его утопить хотел, значит, не изучил толком от злости, да? А там ведь много полезного – подпись главного служителя, храмовая печать... Узнаем, кто служитель или какой именно

храм, – узнаем и дату. И сыскники придумают, как тебя пропавшим без вести объявить. И до той даты успеть, которая указана в храмовой книге.

– Сядь пока, Кьюн, – Данэ встала, и в её смуглых пальцах затрепетал багровый огонёк. – На минутку. Попробую помочь тебе вспомнить... или начать вспоминать. Это буквально на минутку-две обряд. И лишнюю силу заберу. Иначе как мы в дом попадём, если ты в стене застрянешь? Кто-то же должен меня впустить. Ровно столько оставлю, чтобы и на ключ хватило, и стены не мешали.

– Допустим, найти парня несложно, – Рьен, сунув руки в карманы домашних штанов, задумчиво прошёлся по кухне взад-вперёд. – И даже дело заводить необязательно. Скажу главному, что это родственник подруги моей жены, что мальчишка как уехал, так и с концами, и она переживает. И она по-свойски попросила мою жену, чтобы она попросила меня... Через нас много таких дел проходит – без официального расследования и документации. Как вы чаем знакомых поите бесплатно, так и мы ищем.

Матушка Шанэ с облегчением кивнула. Хвала великим пескам, да. Она часто угощает чаем знакомых бесплатно (как и с призраками, кстати, помогает).

– Имя, фамилия, адрес – и мы и без колдовства проследим его путь от Семиречья до последнего встреченного лодочника, – продолжал он, прохаживаясь. Движение бодрило и стогнало остатки сна. – Если папаша парня узнал о смерти сына, значит, кто-то ему об этом написал. Значит, умер парень среди людей. А если папаша сообразил нанять кого-нибудь избавиться от тела... Да и в этом случае найдём. Даже если в болотах труп утопили. Говорите, они за свидетельством отправились?

– Да-да, – подтвердила матушка. – Кьюн и дочка моя, Данэ. Она усыпит всех неспящих или добавит крепкого сна тревожным. И ни одного следа не оставит. Ей не впервой. Это моим подопечным нужны знания. Её ребятам, внезапно умершим своей смертью, чаще нужно другое – завещание найти, ценность передать, прощальное письмо оставить, сказать всё, о чём при жизни молчал...

Раздражённо сверкнула молния, и почти сразу же откликнулся гром – резко, точно кто-то невидимый кнутом щёлкнул. Дождь зарядил пуще прежнего.

– Передайте-ка дочке прямо сейчас – пусть личную вещь парня принесёт, – попросил Рьен. – Таковую, чтобы папаша пропажи не заметил. А если они старую кровь найдут – ещё лучше. Сразу же поручу Мьёлу создать поисковое заклятье и приступать. Смерть свежая. Он и из Семиречья тело найдёт, если вдохновится. И у папаши в бумагах пусть как следует пороются. Вдруг оно есть – извещение о смерти сына. И вдруг по какой-нибудь сентиментальной причине папаша от него не избавился.

Матушка Шанэ достала из кармана тёплого тёмного платья крошечный мешочек, высыпала на стол песок, прошептала что-то и дунула. Песок сверкнул серебряными звёздами и растаял.

– С Гарэ сложнее, – Рьен украдкой зевнул в кулак и снова заходил по кухне. – Это в любом случае крупное мошенничество, но как его вскрыть без призраков... Даже если мы узнаем, в каком храме оформили помолвку... – и нахмурился. – Храм – особая территория, туда просто по подозрению не прийти даже мне, нужны веские доказательства. Но если мы будем знать, где и кто... Покопаемся в старых делах. И, возможно найдём жалобы на этот же храм или на его служителя. И если да, то заодно с остальными и эту аферу вскроем. Но если нет...

– А пока суд да дело, я Гарэ прикрою, – пообещала матушка, взволнованно перебирая пальцами песок в мешочке. – Мои помощники будут рядом с ней и днём, и ночью. За бабушкой тоже присмотрят, как и за домом вообще. Может, – встрепенулась она, – и к папаше Кьюна кого-нибудь приставить? У меня второй стервятник пока свободный.

Первый же кружил над домом Гарэ, и гроза была ему нипочём. Наоборот, выплески речной силы наполняли помощников колдовством до краёв, делая мощнее и опаснее.

– А приставьте, – согласился Рьен. – Паршивое дело, матушка. В таком всякая мелочь сгодится.

Стервятник бесшумно вспорхнул со стола, пролетел сквозь закрытое окно и растворился в дождливой ночи. Впрочем, ненадолго. Буквально через десять минут он вернулся, намёл крыльями песка на стол и снова исчез. А матушка, разворошив песок, достала замызганный носовой платок.

– Вот и вещь, – заметила она, ладонью аккуратно сгребая песок. – Документы если и будут, то позже.

– Отлично, – одобрил Рьен. – Минутку погодите, переоденусь. И пойдём в ведомство к Мьёлу. Пусть приступает.

– Это за какие же прегрешения ты мальчика на дежурстве в ночь оставил? – удивилась матушка Шанэ.

– Котов по очереди кормим, – усмехнулся он. – И Мьёл очень хочет поблагодарить вас за бессонные ночи.

– Пусяки, – отмахнулась матушка. – Вы оба пока не поняли, кто именно вам доверился. Погодите луну-другую – ещё благодарить будете. А то и раньше. Мёртвое время – штука опасная, гиблая. В это время много древней гадости выползает. Вы о ней мало знаете... потому что мы стараемся, чтобы вы не узнали. До моего приезда в Семиречье, да и после, когда я молода была, многие убитые улизнули. Набрались в Мёртвое время силы и затаились. Чтобы в своё время вернуться и... Ой, что это я! – одёрнула она себя. – Ты собирайся, сынок, собирайся. А я пока песчаный купол сделаю, чтобы мы не вымокли хотя бы в первые пять минут.

Мьёл в сомнении изучил носовой платок Кьюна – мятый, с каплями старой крови.

– Говорите, мастер, у Приграничья искать? – переспросил он. – А вы меня не переоцениваете, нет?

– Мы ориентиры дадим, – Рьен вопросительно посмотрел на матушку.

Она достала из кармана платяга пару сложенных листов с записями:

– Вот, сынок. Города, река, направление.

– Ну найду, допустим, – колдун взял листы. – И что нам это даст? Перетащить труп сюда я не смогу. Понять издали по его состоянию, когда и как он умер, тоже.

– Дальше я напишу в тамошнее Сыскное ведомство. Сначала парня на месте осмотрят и нам о результатах доложат, а потом доставят тело в Семиречье, – Рьен сел за свой стол. – А пока новостей нет, надо делать хоть что-то полезное и проясняющее.

– Котов, например, покормить, – проворчал Мьёл, берясь за дверную ручку. – У себя буду. Найду – скажу.

Дверь за ним закрылась. Коты, спящие в коробке на столе, даже не шелохнулись. Матушка Шанэ поёрзала в кресле и вздохнула – она очень не любила сидеть без дела, особенно когда это самое дело дёргало и требовало работы. Однако, к сожалению, оно было со всех сторон и не её, и не Рьена – не убийство же.

– Не переживайте, – негромко сказал Рьен. – Нам тоже есть чем заняться.

Он достал из ящика склянку, встал из-за стола, подошёл к дальней стене и плеснул на неё водой. И в деревянных панелях проступили многочисленные узкие ящички.

– Это сводки со всего ведомства, – пояснил Рьен, открыв ближайший ящик, заполненный мелкими плотными карточками. – Здесь и кражи, и мошенничества, и убийства, и пропавшие люди. Только сводки. Вперемешку. Предлагаю поискать жалобы или странные дела, касающиеся храмов или их служителей. Может быть, эти знания нам не пригодятся... но пока хоть что-

то по Кьюну и его папаше не прояснится, мы точно не уснём. И без дела изведёмся. У вас с дочкой есть связь?

– Могу написать, – матушка Шанэ встала и расправила юбку. – Но зачем отвлекать? Я сообщила, что найти, и предупредила, где буду ждать. Данэ или сюда придёт, или из дома напишет, когда закончит.

– Мои слева, ваши справа? – предложил Рьен.

Матушка кивнула, обошла стол и открыла первый же ящичек.

За окном громыхало, сверкало и лило. В коробке тихо сопели коты. Шуршали бумаги. Мьёл молча и бесшумно колдовал в своём кабинете. Ночь перевалила за середину, но даже при такой сонной погоде и обстановке как расслабиться?.. И матушка про себя попросила старшую дочку поторопиться... и не торопиться. Поторопиться рассказать узнанное, но не торопиться уходить из папашиного дома без всех возможных сведений. Действительно, скверное дело. Любая мелочь пригодится.

Сумеречное утро дышало в окна липким туманом, стучалось злыми ветрами. Такое явление – туман стеной при сильных ветрах – матушка встречала только в Семиречье и только в Мёртвое время. Задувало порой так, что сбивало с ног, но при этом с вечерних сумерек до полудня скользкий туман стоял как заколдованный. Или не «как».

Они по очереди подремали в креслах между делом, и матушка проснулась, когда скрипнула дверь и появился Мьёл – тоже заспанный. Смущённо признавшись, что его срубило усталостью, колдун плюхнулся в свободное кресло.

– Нашёл, – сообщил он сосредоточенно, согревая в чайном кувшине воду. – А если бы вы, матушка, не сказали, что парень сам помер, я бы решил, что убили. Его же не похоронили толком. Закопали на краю леса, как бродягу приبلудного, – без ритуалов прощаний, без оградки, поминальных знаков на могиле и именной таблички. Так ещё ненужных свидетелей прикапывают, чтобы подольше не нашли.

– Знал папаша, – задумчиво кивнул Рьен, собирая в стопку разбросанные по столу карточки. – Или всё-таки просто ограбили и закопали, лишь бы спрятать.

Матушка захлопотала по хозяйству – утренний чай, завтрак, молоко котам... Пока колдун докладывал обстановку, Ийрэ прислала с призрачным помощником утренние пироги. И передала записку от дочки – она слишком вымоталась, обуздывая беспокойного призрака, чтобы в ведомство идти. Заглянула в чайную, перекусила, написала письмо и отправилась спать. А Кьюн наверняка скоро заявится – не удержит его Данэ надолго, не смогла она всю лишнюю силу из парня забрать. Удерёт. И хорошо, если сюда.

– Адрес – Двадцать Третий остров, восьмой дом, – матушка пробежалась глазами по письму дочери. – Папашу зовут мастер Хьёт, и живёт он на широкую ногу: дом большой, обстановка – дорого-богато. Кроме него в доме никого. Ночью спал пьяным. Письмо о смерти сына не нашли, а в свидетельстве расписался некий служитель Амьюр. На каком острове храм находится, не узнали – печать старая и нечёткая. Но по имени служителя его можно найти, да?

– Конечно, – Рьен снова перебрал карточки, уже осознанно ища конкретное имя. – И он у нас в сводках... отсутствует. Надеюсь, временно. Мьёл, поднимай Съята. Ищите этого служителя и его храм. И решайте, кто из вас срочно хочет жениться.

– Чего это мы? – возмущённо взъерошился колдун. – Чего это сразу жениться?

– Потому что я уже занят, – ухмыльнулся начальник. – И при помолвке, и при женитьбе молодые расписываются в храмовой книге. Вам надо туда заглянуть и посмотреть, кто расписывался до вас. И очень надо узнать дату помолвки Кьюна и Гарэ. Если придумаешь другой законный способ – пожалуйста, используй. А нет... Откажешься от помолвки через луну, да и всё. Труп парня где нашёл?

– В полудне от Тихолесья, – недовольно ответил Мьёл. – У кромки леса, к югу от городка. Я хотел метку поставить, но далеко слишком. Там рядом с могилой несколько цветущих кустов. Не знаю, какая тварь в такое время цветёт, но оно есть. Штук пять насчитал, колючие, красная листва, в белых шариках. Саму могилу плохо видно. Эти умники сначала слой земли сняли, потом яму выкопали, а потом на закопанное этот слой вернули. Говорю же, прятали.

– Найдут, – Рьен достал из ящика стола пухлый блокнот и быстро перелистал. – Тихолесье, значит... Там хорошие сыскники – найдут тело, изучат, доложат. И того, кто привёз больного, отследят, и того, кто прикопал труп, вычислят. А ты давай в храм.

Дверь скрипнула, и в кабинет осторожно заглянул Сьят.

Мьёл подскочил с кресла и деловито спросил:

– Сьят, у тебя же подружка есть?

– Ну есть, – рыжий и насторожился, и расстроился.

Он надеялся поработать с отчётами – даже нарочно загодя остался ночевать в ведомстве, в гостевой комнате, полагая, что из-за туманов и ветров все, кроме пары дежурных, сидят по домам. А вышло, что придётся побегать.

– Пора тебе жениться, – довольно заключил колдун. Прихватил куртку и скомандовал: – Пошли. Расскажу по дороге.

– И я пойду, – засобиралась матушка Шанэ. – Побуду с Гарэ. Непокойно мне, что она одна. Сообщи, сынок, что выясните.

– Конечно, – кивнул Рьен.

И, быстро написав и отправив письмо, он снова занялся сводками. Имя служителя нигде не мелькало, однако в трёх старых сводках упоминался один и тот же храм на Сто Седьмом острове. Рьен смутно помнил, что островок этот мелкий и скалистый, неудобный для заселения, далёкий – почти на границе Семиречья. В списках жилых островов его не было... зато была тёмная история, с ним связанная, – в те времена, когда нынешний глава отдела убийств начинал обычной ищейкой. И после храм на Сто Седьмом не то закрыть собирались, не то запретить проводить там отдельные ритуалы...

Он отодвинул карточки и набросал вторую записку – в архив.

Когда матушка Шанэ добралась до Одиннадцатого острова, жалящие ветра стихли, а туманы почти растащило, лишь над фиолетовыми водами реки Глубокой стелилась густая дымка. На шестом причале матушка выбралась из лодки, поднялась по старым ступенькам на набережную и огляделась.

Низкое серое небо в переплетении густых голых ветвей, кучи палой листвы беспорядочными стожками, массивные каменные дома «гнездами» среди частых деревьев, горечь далёких костров в речной влажности. Матушка сходу заметила четыре дома в окружении низких каменных оград, а глазами помощников увидела больше пятидесяти. Крупный остров, много жителей. Но сейчас на Одиннадцатом стояла тишина, даже птицы молчали.

Матушка снова посмотрела на остров глазами одного из помощников и уверенно отправилась по тропе к пятнадцатому дому. Полчаса ходьбы – и она на месте, у пухлого двухэтажного дома, очень старого, у фундамента затянутого мхом, а у крыши – багровым плющом.

Гарэ в одиночестве сидела в крохотной беседке, куталась в плед и пила чай. И матушке, когда та открыла незапертую калитку, обрадовалась чрезвычайно.

– Кьон где-то здесь, – поведала она тихо. – Я постоянно слышу его сопение. Он не показывается... в смысле, за спиной не стоит и пытается быть незаметным, но я его слышу.

Матушка Шанэ огляделась и вскоре заприметила среди мшистых древесных стволов сначала своего пса, потом пустынного кота, а после и Кьюна. Будучи замеченным, парень вышел из-за дерева и вызывающе улыбнулся: ну, мол, что сделаете?

– Не дразни меня, – предупредила матушка. – Я многое могу с вами сделать, даже с теми, кто не в моей власти. Ты даже не представляешь себе всей мощи южного колдовства, а я ведь потомственная. И с большим опытом. Не дразни, понял? Не сидится у дочки – хорошо, будь здесь. Но отсюда ни шагу. Уговор?

Кьюн неохотно кивнул и снова исчез за деревьями. Но затаился совсем рядом с беседкой – сел у дерева, прислонившись к нему спиной.

– Вы замёрзли, наверное? – забеспокоилась Гарэ. – В дом или?..

– Или, – улыбнулась матушка. – Я люблю чай на свежем воздухе, даже зимой иногда устраиваю. И огонька безопасного для тепла могу добавить.

Девушка кивнула и скрылась в доме, вернувшись через несколько минут с подносом и пледом через плечо. Однако едва они устроились на лавках друг напротив друга, как на столе расплылась чёрная лужа и выплонула письмо.

– Мастер Рьен что-то раскопал, – матушка Шанэ споро развернула лист, прочитала и сообщила: – Он просит тебя написать заявление на имя мастера Увье о том, что Кьюн пропал без вести. Прямо сейчас. А я ответ с помощником в ведомство передам. И дату поставь вчерашнюю. Точно раскопал, если бумага понадобилась.

– Но как я объясню? – удивилась Гарэ. – Ведь нужна причина...

Матушка фыркнула:

– Да брось, дочка. Парень уехал из Семиречья сезон назад, а вы большие друзья. Вставь, что он обещал писать и рассказывать о путешествии, а не пишет. Целый сезон вестей нет – это ли не причина заволноваться? Я плохо понимаю, как работает северная почта... Но если ты парню напишешь, а он мёртвый, то что с письмом будет?

– Оно самоуничтожится, – девушка понимающе кивнула и встала. – Хорошо, сейчас напишу. А мастер Увье – это кто?

– Глава отдела общих правонарушений, – пояснила матушка Шанэ. – Формально-то они пропажами занимаются, но в отделе убийств тоже хорошие мальчики работают. В беде не бросят и дело до конца доведут, хотя оно их не касается.

Гарэ снова скрылась в доме и быстро вернулась с чистыми листами, пером и склянкой.

– Вы знаете, как заявления составлять? – она с надеждой посмотрела на матушку.

– Конечно, – матушка Шанэ встала и разлила по чашкам свежий чай. – Пиши так...

Через несколько минут со стола, зажав в клюве конверт, поднялся стервятник и, набрав приличную высоту, скрылся среди туч.

Можно было, конечно, и обычной почтой отправить, но Гарэ с ней не очень ладила – как и всякий южанин, даже не колдун, с речной водой в склянках. Что-то получалось, что-то – не всегда, а что-то – совсем нет. С островными людьми вода, кстати, тоже иногда конфликтовала, даже если они родились на Севере. Матушка нарочно этим интересовалась – любопытно было.

– А расскажите о Юге, – попросила Гарэ, кутаясь в плед. – И о колдовских песках. Родители обещали свозить, но пока с поездкой не выходит. А я, хоть и полукровка, постоянно в себе Юг ощущаю. И во сне часто вижу. И слышу, как шуршат реки песка. А когда просыпаюсь... чувствую его в себе – песок. Его шорох. Его тепло. Это колдовское?

– Нет, – качнула головой матушка Шанэ. – Это тоска по дому – по истинному дому. Мы все – песчинки Великой пустыни. У неё есть тайные тропки к каждому из нас. И во сне её дух приходит к тебе, рассказывает, показывает, зовёт... Ты не полукровка, дочка. Ты настоящая южанка. Ничего от рек Севера не взяла, только от южных песков. Тебе обязательно надо на Юг. Хотя бы познакомиться с ним. А может, и остаться навсегда.

– Вот возьму и уеду, – Гарэ опустила глаза. – Мне здесь слишком холодно и сыро. Мама как-то привыкла... и вы тоже. А я не могу.

– А я слышу в себе северные реки, – матушка улыбнулась. – Я, чистокровная южанка, дочь великих песков, чья родня сплошь южане, которые ни разу не были на Севере, слышу

реки. Я часто спрашивала у своих, не затесался ли северянин среди наших прапра? А мне каждый раз отвечали: нет. И откуда этот зов... не знаю. Вероятно, всё-таки разбавила нашу южную кровь капля Севера, но либо так давно, что все забыли, либо так, что признаться стыдно.

Гарэ тоже улыбнулась.

Неспешно потекла беседа. Из чашек поднимался ароматный дымок. Из глубины острова снова потянуло кострами. Влажный ветер ворошил голые ветки, срывая последние чахлые листья. Звучали тихие торопливые голоса – кто-то шёл от набережной и причалов домой.

Мёртвое время не зря так назвали – из-за колдовских туманов и ветров жизнь на Севере на две недели замирала. Поэтому обитатели покидали свои дома осторожно и лишь по самым неотложным делам – в короткий промежуток между полуднем и первыми сумерками. И то если ветра стихали совсем, как сегодня. И то велик шанс, что внезапные дожди, ветра или туманы надолго загонят под ближайшую же крышу. В первые дни (как вчера) люди ещё рисковали, но теперь уж точно даже в тихое время далеко своих домов не отойдут.

Матушка Шанэ и не надеялась вернуться сегодня домой, твёрдо решив напроситься на ночлег и приглядывать за девушкой, сколько понадобится, но судьба распорядилась иначе. Сначала рядом с беседкой зарычал пёс. А после из-за дерева выглянул угрюмый Кьон.

– Папаша идёт, – сообщил призрак сухо.

Гарэ испуганно посмотрела на матушку и прошептала:

– И что нам делать?

Матушка думала буквально минуту.

– Встречать, – она недобро улыбнулась. – Я – твоя дальняя родственница. О помолвке мы ничего не знаем и пьём чай. А ты, сынок, – и в смуглых пальцах пойманной бабочкой затрепетал голубой огонёк. – Лови.

Кьон послушно поймал огонёк и ругнулся:

– Жжётся!

– Потому что не эта сила тебя поддерживает. Дочка бы сделала – не кусалось бы пламя. Терпи. Спрячься за дерево и жди. Когда заклятье впитается, ты станешь видимым и материальным – минут на десять, не больше.

В светлых глазах парня зажглись опасные огоньки:

– Точно?

– Да, – матушка Шанэ достала из кармана плаща мешочек с песком. – Ты сейчас колдун, поэтому да. Но помни – времени у тебя будет чуть-чуть. Распорядись им с умом.

Кьон кивнул и спрятался за дерево. Скрипнула калитка. Зашуршали вкрадчивые шаги. Гарэ напряглась, и матушка прошептала:

– Расслабься. Он не должен понять, что ты знаешь. Что мы знаем.

Гарэ съёжилась под пледом и опустила глаза. А на тропинке из-за деревьев показался мужчина, с виду совершенно в деньгах не нуждающийся. Щегольские серые плащ, шляпа и перчатки, дорогие ботинки. Упитанный, с аккуратными седыми усиками, прилизанными светлыми кудрями и масляным взглядом.

– Моё почтение, – приблизившись, неприятно улыбнулся мастер Хьёт и снял шляпу. – Гарэ, дорогая, могу ли я переговорить с тобой с глазу на глаз?

– Нет, – спокойно отказала матушка Шанэ. – Досточтимые родичи, да хранят их вечные пески, просили присмотреть за дочкой. Нет.

Папаша Кьюна никак не выразил недовольства, лишь поклонился и надел шляпу. И достал из внутреннего кармана плаща светлый конверт.

– В таком случае свидетелем будете, – кротко улыбнулся он. – Гарэ, девочка моя, я взял на себя смелость сделать вам с Кьюном подарок. Жаль мне вас, нерешительных. Давно жаль. Всю жизнь влюблённые, а на главный шаг никак не соберётесь. Поэтому прими от меня подарок, – и, поднявшись по ступенькам в беседку, протянул девушке конверт.

Гарэ посмотрела на него как на ядовитую змею:

– И что там?

– Открой, – настойчиво попросил мастер Хьёт и положил конверт на стол. И замер с довольной улыбкой, сложив руки на животе.

Матушка Шанэ взяла конверт, распечатала, достала свидетельство, изучила его и строго нахмурилась:

– Помолвка? А по какому праву вы оформили её в обход родительского благословения? Что-то не припомню, чтобы родичи меня об этом предупреждали.

Мастер Хьёт пустился в длинные объяснения древних законов Севера. Гарэ же сидела ни жива ни мертва – побледнела, сжалась, закусила губу, чтобы не заплакать.

– ...срок помолвки истекает через две недели, – бодро заключил он. – Сначала я хотел вручить подарок позже, но потом подумал, что тебе нужно время – наряд сшить, приглашения родне и друзьям отправить, стол заказать. Свадьба – это же не только две подписи в храме. Это праздник. Прекрасный, чудесный праздник. И я решил, что негоже тебя, молодую и красивую, лишать свадебных радостей. Да и Кьон, глядишь, к свадьбе успеет.

– А я уже тут, – прозвучало насмешливое.

Мастер Хьёт вздрогнул и резко обернулся. И побелел больше Гарэ. Кьон ухмыльнулся, и в его левой ладони вспыхнул клубок багрового огня.

– Я уже тут, – повторил он издевательски. – Привет, что ли?

Папаша беспомощно посмотрел на матушку Шанэ, но та и бровью не повела.

– В-вы что, н-не видите?.. – заикаясь, пробормотал мастер Хьёт.

– Мальчика? – вежливо уточнила матушка. – Почему же, вижу. Он давно с нами.

– Но он же умер!.. – выдохнул папаша и неловко обернулся к сыну: – Ты же умер!..

– Откуда узнал? – вкрадчиво поинтересовался Кьон, и пламя в его руке зло заискрило. – И не потому ли со свадьбой заспешил, что узнал?

Гарэ не выдержала и тихо, молча заплакала. А матушка вытянула из мешочка щепотку песка, напряжённо наблюдая за парнем – призрак-колдун в принципе опасен, а уж если он в ярости...

– Так это же твоя мечта, сын... – залепетал мастер Хьёт. – Я хотел исполнить твою мечту...

– Врёшь! – рявкнул Кьон, и его глаза полыхнули багрянцем. – Ограбить ты её хотел! – огонь стёк по его нервным пальцам, щёлкнул кнутом. – А ну говори! Правду!

Мастер Хьёт открыл рот, побагровел, тоненько пискнул и рухнул в спасительный обморок – матушкина песчаная змея едва-едва успела подхватить его тучное тело и уложить на скамью. А Гарэ всхлипнула, сорвалась с лавки и, уронив плед, выскочила из беседки. И порывисто обняла старого друга. Кьон моментально сдулся – глаза потухли, кнут ушёл в землю талой водой. Матушка Шанэ сразу расслабилась. Всё, кажется, пронесло грозу мимо...

– Думаю, дочка, тебе следует написать второе заявление – на этого ушлого негодяя, – заметила она негромко. – О том, что он обманом пытался выдать тебя замуж за мертвеца. Я подтвержу. И после никаких кнутов не понадобится – под заклятьем правды всё как миленький выложит. Всю правду.

И что же Рьен-то накопал?.. Надо срочно ему написать...

– Храм на Сто Седьмом острове давным-давно недействующий, – рассказывал Рьен. – Ещё лет тридцать назад его со скандалом закрыли за мошеннические дела. Его единственный служитель – Амьюр – поставил свадьбы с мертвецами на поток. В то время орудовала целая банда, которая занималась тем, что сначала вычисляла юных и внезапно осиротевших наследников больших состояний, а потом быстро, пользуясь шоковым состоянием, женила их или выдавала замуж за собственных мёртвых родственников. Долгое время им это сходило с рук,

потому что запуганные жертвы боялись жаловаться. Но одна девушка не испугалась, пришла в Сыскное ведомство и всё рассказала.

Папашу уже забрал Мьёл с клятвенным обещанием допросить лично и жестоко, хотя это не в его полномочиях. Рьен сидел на лавке рядом с матушкой Шанэ, а напротив жались друг к другу старые друзья. Кьюн подобрал ключи к заклатью видимости-материальности и обнимал подругу за плечи, а Гарэ, похоже, наконец начала осознавать, что больше никогда его не увидит, и то и дело вытирала краем пледа молчаливые слёзы. И стыл в чашках свежий горячий чай – всем было не до него.

– Членов банды отловили и сослали на каторгу, храм закрыли, – продолжал Рьен. – И только для Амьюра сделали послабление – служитель рек всё-таки. Это священо. Он отбыл наказание в закрытом храме и вернулся пять лет назад. И сразу взялся за старое, но без прежнего размаха. Каким-то образом он умудрился спрятать и сохранить – или всё-таки подделать – официальную колдовскую печать храма, чтобы свидетельства имели видимость настоящих. Пустил среди нужных людей слух о себе. И за пять лет поженил обманом минимум троих.

– И вы этого не заметили? – поразилась матушка Шанэ.

– Служители очень просили, чтобы дело закрылось без большой огласки, – пояснил Рьен. – Во-первых, честь храмов, а во-вторых, не стоит напоминать людям о забытом. Не то у многих соблазн появится преступным путём пойти. А нынешнее поколение отдела общих правонарушений молодое да раннее. Оно об этом деле ни сном ни духом. Я вот тоже едва вспомнил. И только когда нашёл в архиве дело, а в деле – имя того же служителя, который выдал вам, молодые люди, помолвочное свидетельство, сообразил, что к чему. И даже «женить» для уточнения фактов никого не пришлось. Служитель Амьюр сразу во всём сознался и сдал папашу Кьюна с потрохами.

– Но ещё до служителя кто-то сказал ему, что я мёртв, – напряжённо напомнил парень.

– Сыскники Тихолесья молодцы, – улыбнулся Рьен. – Они за полдня дело раскрыли. Во-первых, нашли того деда-лодочника, который отвёз тебя, заболевшего, в больницу, причём вместе с сумкой и документами. И ни монетки у тебя не взял. Во-вторых, нашли в той больнице лекаря, который подтвердил твою смерть, узнал по документам адрес и написал твоему папаше. И в-третьих, быстро лекаря раскололи. Он даже письмо папаши предъявил, в котором тот обещал лекарю двадцать золотых за сокрытие факта смерти. И расписку прилагал. И твоё тело...

– Оставьте, – перебил Кьюн. – А если достали, верните на место. Не надо сюда тащить. Никто здесь ко мне не придёт. А там... – он запнулся и покосился на Гарэ. – К Приграничью близко. И к Югу.

Девушка тихо всхлипнула и уткнулась носом в плед.

– Пойдём, – тихо позвала матушка Шанэ, вставая. – Лодочник близко. Пусть вдвоём побудут. Да и время к туманам. До свидания, дети. Гарэ, приходи в любое время – о Юге узнать, посоветоваться, поплакать... Кьюн, сынок... быстрой воды.

Рьен сочувственно попрощался и вслед за матушкой вышел из беседки. И сразу прошептал:

– Жалко парня... Всё время думаю – почему реки молодых так рано забирают? Жить да жить ещё...

– Потому что таков срок, – еле слышно отозвалась матушка Шанэ. – А почему каждому из нас отводится именно столько времени, нам не понять никогда. Значит, всё необходимое мальчик сделал. Судьба категорией «жить да жить», к сожалению, не мыслит, у неё на нас совсем другие планы. О которых мы никогда не узнаем. И лишь отчасти поймём, когда река позовёт... если на то будет время.

И, помолчав и подумав, она добавила:

– А может, Кьюн ей понадобился для другого дела. Срочно. Потому и так быстро. Но я с тобой согласна, сынок. Жаль мальчика. И девочку.

– С родителями Гарэ поговорю, как вернутся, – сурово сказал Рьен. – Негоже ребёнка одного бросать. Красивая и богатая девушка без защиты родителей или мужа – всегда потенциальная жертва. А у нас в Семиречье проходимцев, к сожалению, с избытком. И Сьята попрошу несколько статей написать. Родители должны знать, как опасны для их детей древние законы Севера.

– Лучше бы их совсем отменить, – покачала головой матушка Шанэ.

– Не мы их придумали, и не нам отменять. Они существовали задолго до нас и, боюсь, просуществуют ещё столько же. Потому что в народе появились как традиции, а не на бумаге от Городского ведомства. Но напомнить о них мы можем. И обязательно это сделаем.

Над тихими фиолетовыми водами реки Глубокой уже вилась лёгкая сизая дымка, и на мгновение матушке почудились в ней очертания призрачной лодки. Подождёт ли Лодочник, пока старые друзья прощаются?.. И сразу поняла, точно ей ответили: да, подождёт. В Мёртвое время у Лодочника обычно немного работы.

Дело 2: Никто из ниоткуда

Рьен устало зевнул и убрал в папку очередную бумагу. Второй день он возился с ненавистными документами, разбирая рабочий стол. Последние недели до Мёртвого времени выдались бурными, и бумаги по разным делам копились на столе, копились, в конце концов перемешавшись так, что Съят сразу встал в позу: разбирать, мол, не буду. И давай, начальство, сортируй их сам, а уж потом я, так и быть, напишу отчёты для архива по готовому. А заодно и новостные статьи для «Вестника».

И начальство честно разбирало – с утра до ночи, чтобы побыстрее отделаться. За два дня Рьен собрал пять папок. Оставалось примерно столько же. Рыжий помощник днём заглянул, уважительно хмыкнул, но к себе ушёл без папок – начальник не был уверен, что где-нибудь в ящиках или под грудями бумаг не осталось важного документа, относящегося к уже рассортированным.

Настенные часы пробили десять. Рьен посмотрел в тёмное окно и решил: всё, последняя стопка – покормить котов – и в гостевую. Спать. Лучше завтра встать пораньше и со свежей головой закончить наверняка, чем полдня просыпаться и сделать меньше необходимого. Служанка, конечно, опять донесёт любимой супруге, что её муж которую ночь не приходит домой, но Рьен верил, что жена – умная женщина. И не позволит лёгкой подозрительности перерасти в глухую ревность и неприличные семейные сцены. Даже если обнаружит исцарапанные котом плечи. А она обнаружит. Рьен же в отпуск собрался в начале зимы, а котёнок с него не слезает. Спросить у Мьёла что-нибудь заживляющее или просто взять кота с собой и предьявить доказательством?..

Колдун, словно учуяв скорое молоко, проснулся, выбрался из коробки и нахально забрался на любимый насест – на хозяйское плечо. Запустил коготки в рубаху и заурчал на ухо. Рьена сразу же потянуло в сон. Он снова зевнул в кулак и настырно взялся за последнюю стопку. Этот туда, этот сюда, а этот вообще в архиве быть должен – справка из дела пятилетней давности...

Кот вдруг замолчал и насторожился, напрягся. Рьен поднял голову и быстро осмотрел кабинет. Пусто. Стол, два кресла напротив, платяной шкаф, книжный, две запертые двери... Второй кот, доселе спавший в коробке, резко поднялся и тихо зашипел. Колдун спрыгнул на стол, взъерошился и тоже зашипел.

Входная дверь скрипнула, впуская невидимку, и тихо закрылась. На стену упала длинная косая тень. Коты снова зашипели и дружно спрыгнули на пол. Тень замерла, зажатая у стены двумя мелкими полосатиками. Но рыжему, похоже, этого показалось мало: он затоптался, оставляя на полу мокрые следы – цепочка полукругом, от стены до стены, вторая, третья... Словно запирал невидимку в следах-заклятьях.

Рьен невольно поёжился, достал чистый лист и быстро набросал письмо – и улица давно в густом тумане, и подойти к двери, не задев следов, возможности не было. А разобраться с очевидным и, похоже, опасным призраком надо.

Да, именно поэтому он предпочитал верить в призраков «почти» – в короткое время совместной работы с матушкой Шанэ. Ибо если постоянно думать о том, что вокруг тебя бродят невидимки со своими неведомыми планами, крышей уехать легко и просто. И навсегда.

Матушка Шанэ с изумлением уставилась на тихо булькнувший стол – на скатерти проступило чёрное пятно с чьим-то письмом. Очень странно... С домашними она переписывалась по-южному, по работе никто в такое время писать не должен, а Рьен бы сам пришёл – с колдуном-то в помощниках.

Однако писал Рьен. И матушка очень удивилась, прочитав короткое: «Доброй ночи. Жду вас у себя в кабинете. Тут странный призрак. Приходите. Спасибо. Рьен».

– Ну и дела... – пробормотала она, выпуская помощников. – Мальчишки, бегом в Сыскное ведомство.

А сама быстро переоделась и переобулась, закуталась в пальто и спустилась вниз, по дороге повязывая полосатый шарф. Свеча на столе горела, чай стыл... однако призрак отчего-то предпочёл явиться сразу к сыскникам. Да ещё и так, что Рьен или увидел его, или как-то иначе заметил. Интересно...

Ночь была тихой и безветренной, но туман стоял такой густой и плотный, что до Сыскного ведомства – всего-то по набережной, через Старый мост и снова по набережной – матушка пробиралась практически ощупью, держась за серого пса, чтобы не заблудиться. Помощник же препятствий не видел, привычной короткой дорогой привёл свою хозяйку к неприметной дверке в торце Сыскного ведомства и даже лапой на неё указал.

– Спасибо, милый, – улыбнулась матушка Шанэ.

А в кабинете главы отдела убийств наблюдалось удивительное. Рьен сидел за столом и довольно нервно, то и дело поглядывая на дверь, сортировал документы, да так бодро, что некоторые валялись на полу. Под столом бдел призрачный серый пёс. Оба полосатых котёнка, натоптав чёрной водой, сидели у двери. И там же, запертая в полукруге, стояла, сердито кидая то в Рьена, то в котов водяные клубки, девочка лет десяти. Её заклятья, ударяясь о невидимую преграду, стекали на пол, и вокруг призрака уже скопилась солидная колдовская лужа.

– Ай-яй-яй! – пожурила матушка Шанэ, зайдя в кабинет. – Это откуда ж у нас такая безобразница-то взялась? Доброй ночи, сынок.

– Доброй, – с явным облегчением улыбнулся Рьен и сразу же насторожился: – Кто там? Женщина?

– Девчоночка, – пояснила матушка. – Маленькая, но злая.

Девочка тут же спрятала руки за спину. Мелкие светлые кудри неопрятной мочалкой, странная (старинная?) пижамка в кружевах, невинные серые глаза, бледная с прозеленью кожа.

– Я всё видела, – погрозила ей пальцем матушка Шанэ. – Брось баловство, – и, расстегнув пальто, она присела на корточки рядом с ребёнком и тихо спросила: – Дочка, а ты понимаешь, что сейчас пыталась убить совсем не того, кто виновен в твоей гибели? Что со времени твоей смерти могло пройти и тридцать, и пятьдесят лет? И что когда ты умерла, этот мужчина ещё даже не родился? А?

Девочка покраснела, её глаза забегали.

Рьен тихо крикнул на «пыталась убить», сдвинул документы и достал из ящика несколько чистых листов, перо и склянку.

– Как призрак выглядит? – спросил он сосредоточенно, прокалывая склянку. – И почему вы решили, что девочка из очень далёкого прошлого?

– В Семиречье я живу тридцать лет, – матушка Шанэ погладила рыжего котёнка, – но такой пижамы ни разу не видела. Хотя, как ты знаешь, у меня четыре дочки. А ещё её колдовство, сынок. В ней ощущается очень много колдовства. Столько ни за год, ни за десять лет не накопишь. Нет, она спала, копила силу, но недавно отчего-то проснулась. Неприкаянные часто впадают в спячку, но во сне впитывают всё губкой. Особенно туманы Мёртвого времени.

– Опишите, – попросил Рьен. – Всё. От лица до пижамы.

– Одну минутку, сынок. Баловать не будешь? – строго посмотрела на ребёнка матушка. – Не будешь – выпущу.

Девочка закусила губку и застенчиво кивнула. Рыжий, точно всё понимая, стёр лапкой часть круга, предупреждая фыркнул на призрачную гостью и вслед за серым полосатиком запрыгнул в кресло, тоже затаившись на спинке. Матушка Шанэ, сняв пальто и вытерев о поло-

вик ноги, устроилась в кресле с котами и указала девочке на второе, пустое. Та, помедлив, села на краешек и опустила глаза.

– Лицо узкое, худое, – начала матушка, – аж скулы торчат. Нос лисий и в веснушках. Подбородок маленький, остренький. Губы... у Сьята похожие, только тоньше. Волосы кудрявые, но колтуном нечёсаным, а длина по лопатки. Ушки маленькие. Очень худая, словно её давно не кормили толком. Росточком мне вот так...

Рьен быстро зарисовал и, когда матушка замолчала, показал черновой портрет. Девочка вдруг радостно захлопала в ладоши.

– Похожа, – одобрила матушка. – Теперь пижама. Верх как платье, почти по колено, узкая в груди, широкая книзу. Пуговицы разноцветные, два ряда – спереди и сзади. Ткань неплохая, тонкая шерсть, тёплая. Рукава длинные, ниже запястья, и все в таких кружевах... Знаешь, сынок, словно на неё сотни крохотных бабочек сели – от пальцев до плеча, по всему рукаву. Ни разу, говорю же, таких не видела. Штанишки чуть ниже колена – и тоже как в бабочках по бокам. Цвет... непонятный. Явно пёстрая была ткань, с рисунками, но её застирали до неопрятных пятен. Бабочки эти тоже, можно сказать, серые.

– А по краю подола бабочек нет? – уточнил Рьен, рисуя на втором листе одежду.

– Есть, – присмотрелась матушка Шанэ. – А на ногах – ничего. Босая. А ты откуда знаешь про подол?

– Моя мама носила такую в детстве, – он показал рисунок. – После она свою пижаму внучке подарила. Дочка до сих пор в ней спит, так нравится, хотя почти переросла уже. Скажите ещё вот что: после смерти тела призрак остаётся в той же одежде, в которой умер? Всегда?

– Обычно да, – подтвердила матушка Шанэ, повернувшись и поглаживая задремавшего рыжика. – Редко кто умеет принарядиться или задумывается об этом. Я немногих встречала, иначе одетых. Но у них была причина – нагишом даже призраком ходить непорядочно.

Рьен быстро что-то записал на третьем листе и задал самый главный вопрос:

– А как она умерла?

– Ну? – матушка посмотрела на притихшую девочку. – Поможешь нам? Чтобы мы помогли тебе обрести покой?

Девочка без колебаний протянула руки ладошками вверх. Матушка прошептала южное заклятье и положила в маленькую ладонь сгусток голубого огня. Призрачная девочка сжала его в кулачке и вспыхнула голубым. И через минуту открылось то, что она прятала от чужих глаз, – синяки на шее, кровоподтёк на правой щеке, исцарапанные руки, разодранная на плече пижама.

– Задушили... – потрясённо прошептала матушка Шанэ.

А девочка, недобро сверкнув глазами, сразу показала на Рьена – обличающе ткнула в него пальчиком, точно глава отдела убийств самолично выкрал (или выманил?) её из дома, чтобы избить и задушить.

– Матушка... – Рьен вдруг кашлянул, точно почувал это указание. – Вы же не думаете, что это я?

– Нет, сынок, нет, – она покачала головой. – Я ведь духовидец, и души живых я тоже вижу. Ты своего помощника-то на место поставить не можешь – жалеешь сиротку, – а уж на ребёнка даже голоса не повысишь. Ты очень добрый. Порой даже слишком. Нет, это кто-то... из времён твоей почтенной родительницы, когда она была девчонкой.

– Что вы ещё увидели? – он снова взялся за перо. – Девочка молчит?

– И боюсь, нескоро заговорит, – поджала губы матушка Шанэ. – Я, конечно, постараюсь... Но ничего не обещаю. Ребёнок явно в шоке – до сих пор. И ещё о травмах...

Рьен всё записал, повернулся к девочке и с запинкой спросил:

– Скажи, есть ли приметы, по которым тебя можно опознать? Родинка на коленке, шрам на руке? Светленьких сероглазых девочек десяти лет в Семиречье сотни. Тысячи. Были. И когда пишут заявление о пропаже, обычно указывают дополнительные приметы. Есть?

Девочка задумчиво насупилась, приподняла волосы, и в её ушках сверкнули необычные серёжки – розовые жемчужные капельки на серебряной цепочке. А после встала и закатала пижамную штанину – на коленке обозначился старый безобразный шрам, словно кожу гвоздём пропорол. И пожала плечами – мол, всё.

Матушка пересказала. Рьен записал и признал:

– Хороша задачка. Будем решать.

– И надо решить, сынок, – матушка Шанэ встала и одного за другим переложила сомлевших котов в коробку. – Она неупокоенная. Сразу после смерти, видно, в спячку впала – с духами такое часто бывает. А туманы Мёртвого времени напитали её силой и пробудили. Надо решить, чтобы ушла. Сейчас девочку с собой заберу. А при тебе помощника оставлю, – и подмигнула: – Коты – молодцы, но время нынче такое...

– Спасибо, – Рьен улыбнулся и расслабился. – Что-то узнаете – сообщите.

– Непременно, – она застегнула пальто, замотала шею шарфом, накинула капюшон и протянула руку девочке: – Пойдём, дорогая. Пирожных хочешь? А чайку горячего? А на котика посмотреть? На большого, да, и он не будет бояться тебя и заколдовывать.

Рьен всю ночь больше думал, чем спал, поэтому встал очень рано, сразу же разбудил помощников и занялся поисками. Пижама девочки смущала до чрезвычайности. Если бы не его мама с подарком внучке, конечно, дело бы упростилось, но пока получалось, что девочка могла умереть и в прошлогоднее Мёртвое время, и даже в первый день нынешнего. А старинную пижамку унаследовать от мамы или бабушки. Судя по тому, что ткань была бесцветной и сильно застиранной, да и разноцветные пуговицы – словно пришитые второпях взамен оторванных и потерянных...

Да, есть вероятность свежей смерти и пижамы-подарка. Но интуиция и матушкина утренняя записка склоняли к версии «девочка из прошлого». А матушка Шанэ написала, что когда они пришли в чайную, девочка очень удивилась собственно чайной. И на осторожный вопрос: «Ты помнишь, что здесь было что-то другое? Не чайная?» девочка согласно закивала. То есть – всё-таки – преступлению больше тридцати лет. Однако сводки посмотреть нелишне.

Помощники явились вместе и сонные. И если Съят тут же плюхнулся в кресло досыпать, то Мьёл, едва переступив порог, напротив, разом проснулся. Он огляделся, хищно втянул носом воздух и заявил:

– Колдовством у вас, мастер, воняет. Тухлой речной водой. Я такого давно не встречал.

– А когда встречал? – Рьен выгреб из ящиков новую стопку сводок.

Мьёл повернулся к стене, безошибочно отметил то место, где стояла запертая девочка, и провёл пальцем по серой краске:

– На практике только. Мой наставник тогда выслеживал какого-то колдуна, а тот возьми да и восстань. Из мёртвых. Некоторые из нас, очень старые и опытные, умеют делать из своего тела с помощью знаков артефакт. Такой, что их убьют, а тело ещё несколько минут убегает или дерётся. Вот он такой тухлятиной вонял. Когда уже сдох, но отбивался.

Он понюхал свои пальцы и изумлённо посмотрел на начальника:

– У вас тут что, мертвец был?

– Призрак, – пояснил Рьен, откладывая стопку сводок. – Колдующий. Собственно, поэтому вы оба в такую рань здесь. Слушайте и запоминайте...

А Мьёл посмотрел на пол, заметил полустёртые кошачьи следы, ухмыльнулся и почесал рыжего за ухом. И опять права матушка Шанэ – и зверям-колдунам в Семиречье есть место и полезное дело.

Рьен коротко пересказал события минувшей ночи и выложил на стол три листа:

– Это портрет девочки – рисовал со слов матушки, и она подтвердила, что похоже. Это её пижама. А это – серьги. На обратных сторонах листов описания. Изучите. А если хотите развиваться, то освоите рисование. Я в бытность простой ищейкой три года брал уроки у художника – из тех ребят, которые работают в парках и рисуют портрет за десять минут. Очень этот навык мне показался нужным, и не раз он меня выручал.

– В таких пижамах лет пятьдесят назад все девочки Семиречья спали, – Сьят, взяв второй лист, тщательно изучил кружево. – Моя бабушка – портниха, у неё десять папок с набросками таких пижам. Я у неё для героев одежду ищу, – пояснил смущённо. – Раз старые дела беру, то и моду надо старую соблюдать. Во всех мелочах.

– Я тоже примерно на этом времени остановился, – кивнул Рьен. – А по серьгам что скажешь?

Рыжий помощник изучил набросок и нахмурился:

– Трудно будет найти, мастер. Почти невозможно. Розовый речной жемчуг – это же редкость. Из богатой семьи девочка, если малой такие украшения носила. Если серёжки тогда украли, сейчас они точно в частной коллекции. В тайнике и под замками. Можно, конечно, поискать старые подшивки – на праздниках богатеи любят похвастать новыми приобретениями... Ну и метки проверить. Пятьдесят лет назад украшения помечали заклятьями от воров?

– Спрошу у приятеля, – ответил Мьёл. – А вторых таких же быть не может?

– Может, – Сьят пожал плечами. – Но в научных статьях говорится, что этот жемчуг на организм плохо влияет. Он выпивает много сил, поэтому его как лекарство прописывали излишне эмоциональным и подвижным людям. В основном детям. Взрослые его не носили. Кто рисковал, через пару часов в обморок падал. И ещё поэтому его будет почти невозможно отследить. Взрослый даже на праздник не наденет, а ребёнку кто ж доверит? Проще в коллекции сохранить и любоваться. И чаще всего его использовали в кулонах – чтобы под одежду спрятать. И брали одну крохотную жемчужинку. Представляете, сколько сил надо иметь, чтобы две носить? А сколько доверия к ребёнку? Эти серьги явно на заказ сделанные, – он поколебался и неуверенно добавил: – Если лет пятьдесят назад всё случилось... Ну, можно попробовать мастера поискать.

– По пижаме тоже покопай, – попросил Рьен. – Вдруг там есть невидимые нам полезные мелочи. И портрет возьми.

– Пойду к бабуле на плюшки, – грустно согласился Сьят, забирая оба рисунка. – Сейчас напишу, а после обеда уеду. И раньше завтрашнего утра не ждите, не отпустит.

– Отпишись – и объедайся, – разрешил начальник, доставая из ящика ещё три листа с рисунками и заметками. – Мьёл, на тебе – Регистрационное ведомство и личность девочки. И приятель из отдела краж. Бери. У меня третий комплект рисунков есть.

– А на вас, значит, тот, кто прежде занимал кабинет главы? – прозорливо спросил колдун.

– Не вас же к бывшему начальству отправлять, – поморщился Рьен. – Сам пойду. К обоим. Досмотрю сводки, потом покопаюсь в их личных делах... Чего сидим? Вопросы есть? Нет? За работу. Девочка опасна. В любой момент она может решить, что хватит с неё чая и пирожных, и сбежит от матушки мстить. В лучшем случае опять мне.

Помощники, прихватив бумаги, шумно удалились. Рьен же вернулся к картотеке, интуитивно ощущая, что ничего в ней не найдёт. И сводки – это всего лишь малодушная попытка оттянуть то время, когда ему придётся задать очень неудобные вопросы двум бывшим главам отдела убийств.

Мастер Альс был его наставником в сыском деле. Когда Рьен пришёл в ведомство, мастер сразу что-то в нём рассмотрел, взял под крыло и за три года обучил практически всему. А как убедился, что молодой помощник вывезет большую нагрузку, так и сложил с себя полномочия, сославшись на здоровье. В кресле главы он вообще просидел удивительно недолго

– всего-то лет семь. И фактически сбежал на пенсию, не побоявшись оставить главой отдела совсем молодого парня.

Вспоминая наставника, Рьен посматривал на Съята и понимал: справится, хоть сейчас назначай. Но, к сожалению, на понижение в ведомстве идти нельзя. Или дальше – до главы Сыскного ведомства, или на пенсию. А он ещё не наработался. Как, впрочем, и хитро сбежавший мастер Альс, который и на пенсии занимался сыскным делом, но вневедомственно и за большие деньги. Разыскивая украденное или потерянное в тех щекотливых случаях, когда заявители хотели избежать огласки.

За стол главы сыскного отдела мастер Альс сел примерно двадцать семь лет назад и в период предполагаемых «пятьдесят лет назад» не попадал, однако он многое знал о своём предшественнике.

Мастер Дьюш – легенда. Больше него – ни до, ни после – никто не смог раскрыть столько дел. Завистники даже зло шутили, что он сам их создаёт – сам преступления придумывает и (или) совершает, – чтобы попасть в историю. И вот он-то в те самые «пятьдесят лет назад» попадал – в то время, когда (вероятно) убили девочку, мастер Дьюш уже несколько лет работал главой отдела убийств, и было ему около тридцати. И сейчас, должно быть, за восемьдесят.

Рьен точно знал, что старый мастер жив – раз-два в год он заходил в родное ведомство. Беседовал с сысниками, давал нужные советы, а иногда спускался в архив и сходу распутывал какое-нибудь старое и неподдающееся дело. И в этом году по весне старик тоже заходил – бодрый, бородатый, осанистый, жаждущий общения.

Но начать всё-таки лучше со своего наставника. И с личных дел обоих.

Матушка Шанэ тоже плохо спала. Обычно она верила в свою силу – и в ту, что голубыми лентами на запястьях вытягивает из призрака колдовство, и в стены чайной, – но сейчас побаивалась, что девочка всё-таки сбежит. Матушка просыпалась, смотрела на сидящего в кресле ребёнка, снова засыпала, опять просыпалась... Лишь под утро её накрыло крепким сном аж до обеда. И проснулась она от смутной тревоги – не сбежала ли?..

Нет, хвала великим пескам. Девочка, прижавшись к боку пустынного кота, лежала на коврике у очага – на животе, болтая босыми ножками. Услышав матушкин выдох, девочка резво села и показала на кухню: чаю, мол?

– Конечно, – улыбнулась матушка Шанэ. – И вкусностей. А хочешь, вместе приготовим? Девочка радостно закивала.

– погоди, умоюсь, – матушка встала с постели.

Скорее бы зима... За осень она так устала, что каждое утро тело протестует...

Умывшись и переодевшись в домашнее платье, матушка Шанэ глотнула бодрящего чаю, повязала передник и позвала девочку. И мягко, стараясь подать важный вопрос как шутку, заметила:

– Имя тебе нужно, дочка. Не девочкой же тебя звать. Помнишь, как звали-то?

Призрачная девочка устроилась за столом, поджав ноги, и провела пальцем по воздуху, точно рисуя. И нарисовала – голубая буква «А» засветилась, упала на скатерть каплями дождя, а девочка недовольно тряхнула головой и начала перебирать букву за буквой. В конце концов остановилась на букве «Т» и вернулась к началу алфавита. И снова упрямо перебирала одну букву за другой, подряд. Пока в воздухе не засияло голубым «Тыита».

– Какая ты молодец! – похвалила матушка Шанэ. – Тыита! Очень красивое имя!

Девочка радостно улыбнулась, а потом вдруг показала на своё горло и покачала головой.

– Ты и при жизни не говорила? – матушке было не привыкать разгадывать жесты бессловесных духов.

Тыита закивала.

Матушка Шанэ заварила свежий чай, выставила на стол посуду для выпечки и достала из ящика мягко светящиеся мешочки.

– Ну что, давай готовить?

Из спальни пришёл пустынный кот и сел рядом с девочкой, уткнувшись лбом в её бок. Тьита заулыбалась, завозилась, почёсывая зверя за ушами, а матушка снова подумала, о чём в ближайшее время написать Рьену.

Во-первых, цвет кожи у девочки нездоровый не от удушья, нет. Она или больна была, или... иная причина. Во-вторых, вчера Тьита знаками и сценками показала, что помнит в чайной театр – и матушка действительно выкупила здание у разорившегося театра. А раз девочка его помнит, то она здесь была – значит, театр тогда работал. То есть Тьита погибла лет сорок назад, не меньше. В-третьих, вспомнилось имя. А в-четвёртых...

Что-то в ней – как она тянулась к матушке и её помощникам, как неловко гладила кота, как покладисто себя вела, – подсказывало: недоставало малышке внимания. И материнский инстинкт шептал: нет, не так себя избалованные любовью дочки ведут. Не так... словно у каждого по чуть-чуть общения и ласки урвать пытаюсь, заполняя пустоту внутри.

Пользуясь тем, что Тьита отвлеклась на кота, матушка Шанэ быстро набросала записку, вызвала пса и отправила его в Сыскное ведомство. Вроде бы мелочи... но именно так, из мелких клочков, порванное письмо и складывается. И открывает свою тайну.

– А теперь, – матушка вернулась к столу, – мы будем печь торт. Для призрака.

Мьёл вернулся из Регистрационного ведомства злым и озадаченным.

– Полдня поисков – и ничего, – проворчал он, плюхнувшись в кресло. – Это какая-то... никто из ниоткуда. По портрету – ничего, даже похожего. По имени – тоже. Портрет плюс имя – тоже. По запросам в остальные северные ведомства – тоже. Её будто бы не существовало. Или её контрабандой привезли из Приграничья. Пряча и нигде не регистрируя. Я бы туда, мастер, написал, но без заведённого дела нельзя.

– Или данные девочки удалили из Регистрационного ведомства, – задумчиво кивнул Рьен. – А сделать это мог лишь его работник. Либо за очень большие деньги, либо по просьбе того, кому не отказывают. Иди обратно. Тебе нужен список сотрудников минимум сорокалетней давности. Имеющих доступ к непосредственной работе с делами.

– Мастер, меня пошлют, – с упрёком посмотрел колдун. – Без открытого дела об убийстве или хотя бы о пропаже – пошлют. Я на запросы-то еле уговорил, по большому знакомству. А вы же дело так и не открыли.

– Не пошлют, – начальник сдвинул в сторону папки и достал из ящика лист, перо и склянку. – Начальник регистрации мне должен – я как-то его сына искал, когда он хотел обойтись без огласки. Напишу ему, и он всё для тебя сделает. А открывать пока, сам понимаешь, нечего. Нет тела – нет дела.

– Что-то ещё? – сосредоточенно спросил Мьёл.

– Захвати тридцатилетний срок работы. Узнай, не уволился ли внезапно кто-нибудь из этого списка. Ну и твой приятель из отдела краж. И метки на серёжках.

– Он обещался написать, – колдун встал. – Пожрать-то можно?

– Только быстро, – разрешил Рьен. – Дело к вечеру, а результат мне нужен сегодня. И в то время, когда ещё прилично идти в гости. С одними вопросами и намёками на призраков, как ты понимаешь, к бывшему начальству не ходят. Даже если они в курсе, что призраки существуют, а убитые хотят отомстить.

– Однако вы что-то накопили, – Мьёл указал на папки.

– Однако я пока об этом промолчу. Иди.

Написав и отправив письмо главе Регистрационного ведомства, Рьен снова пододвинул к себе дело мастера Дьюша. В десятый раз его просмотрел и в десятый же раз убедился – в деле

отсутствует несколько страниц. Две или три, судя по узкой, но заметной щели между листами. Что-то из папки в своё время изъяли. И уж не то ли, что касается призрачной девочки?

Стол вспучился лужей чёрной воды и выплюнул письмо. Мелким убористым почерком Съят обстоятельно докладывал следующее.

Мастер Эддо, сделавший жемчужные серьги, к сожалению, мёртв – умер пять лет назад и самой обычной смертью, от старости. Он всю жизнь служил в Ремесленном ведомстве, и в его архивах нашлись наброски серёжек. Но кто их заказал и оплатил, неизвестно. Списки заказов хранят двадцать пять лет, а после уничтожают, оставляя в архиве лишь набросок работы с подписью мастера. А поскольку никто из нынешних сотрудников ведомства о столь странном заказе не помнил – даже старожилы, проработавшие те самые двадцать пять лет, – то «пятьдесят лет назад» в целом подтверждаются. Хотя бы они.

Про пижаму нет ничего интересного. Бабушка посмотрела на набросок Рьена и подтвердила – да, лет пятьдесят назад такой комплект был в ходу, причём очень недолго. Кружево бабочками – работа дорогая, долгая, и мастерицы на волне популярности резко подняли цены. И буквально через год после появления пижамы на рынке заказы на неё резко упали, а потом вообще сошли на нет. А столь застиранный вид указывает на одно – ребёнок в пижаме не только спал, но и днём дома постоянно ходил.

Рьен свернул письмо, сунул его в уже заготовленную папку и задумался. Прогнал про себя всё, включая разговор с матушкой, и быстро набросал очередную записку.

«Нет, она спала, копила силу, но недавно отчего-то проснулась. Неприкаянные часто впадают в спячку», – мимоходом заметила матушка.

Пятьдесят лет Тьита не подавала признаков не-жизни, а потом вдруг, в первые же дни Мёртвого времени, проснулась и сразу побежала мстить? Отчего же она проснулась? Почему заторопилась с мезтью? И почему так долго спала?

А после, глянув в окно на сизое предзакатное небо, Рьен налил котам молока, надел пальто и сунул за пазуху дело мастера Дьюша. Оглянулся и посмотрел на пол, где предположительно обретался его охранник.

– Пойдём? – предложил он.

И ничего особенного не случилось, только чуть заметно и выразительно скрипнула приоткрытая входная дверь.

Матушка Шанэ прочитала записку и задумчиво посмотрела на Тьиту. Девочка самозабвенно уплетала пятый кусок торта и выглядела счастливее всех живых. И портить такой чудесный момент странными вопросами?.. Только въедливому сыскнику придёт в голову такой вопрос – почему призрак проснулся именно сейчас. Ни матушку, ни её предков это никогда не волновало. Они знали, что иногда призраки засыпают. И иногда – бывает, и столетия спустя, – просыпаются. А вот почему...

– Дочка, можно я задам тебе пару неприятных вопросов? – нерешительно спросила матушка Шанэ.

Тьита покладисто кивнула и потянулась за шестым куском торта.

– Почему ты проснулась? Что тебя разбудило?

Девочка нахмурила светлые бровки, посмотрела в тарелку, положила туда кусок торта, подумала и сделала волнообразный жест. А волна... это река. А река – это...

– Зов? – догадалась матушка. – Зов реки? Он умирает – тот, кого ты винишь в своей смерти?

Тьита кивнула и снова взялась за торт.

– А что тебе всё-таки нужно? Мезть?

Девочка замотала головой.

– Правда?

Она кивнула.

– Ты не понимаешь, что с тобой случилось, но знаешь, что из-за него? Из-за того, кто был при твоей жизни главой отдела убийств?

Тьита опять кивнула.

– Зачем же убить пыталась? – мягко упрекнула матушка.

Призрачная девочка смутилась и пожала плечами.

– То есть без правды ты не уйдёшь, а если человек услышал зов реки, то может умереть в любой момент – и через полгода, и этой же ночью, – протянула матушка Шанэ и тряхнула головой: – Доедай, дочка. И чай попей. А я пока переоденусь.

Тьита вопросительно нахмурилась.

– Думаю, этим вечером – крайний срок ночью – ты всё узнаешь, – улынулась матушка, вставая. – Будем готовы к прогулке за правдой.

Из-за ранних туманов и внезапных злых ветров гости чайной расходятся быстро – залы и не заполняются целиком, и пустеют быстро. То есть скоро можно будет спуститься в прихожую и подождать вестей там. А пока – отписаться Рьену и утеплиться. В этот раз отсидеться за рассказом в чайной не выйдет.

– Мастер Дьюш всегда вёл очень закрытый образ жизни, – степенно говорил мастер Альс. – Мы про всех всё знали, а про него – ничего. Даже о том, что он давно женат, узнали лишь с его увольнением, когда он случайно обмолвился, что, мол, жена рада, а то устала сутками его не видеть.

Вечерело, но ветра не злились, и два сыскника сидели на лавке у небольшого, увитого багряным плющом домика на Тридцать Четвёртом острове. В окружении суровых елей, голых кустов и аккуратных стожков из красно-рыжих паданцев.

– В деле даже его адреса почему-то нет, – заметил Рьен.

– Это и неудивительно, – усмехнулся старый сыскник. – Ты просматривал список раскрытых дел? Видел, какие там имена? Понимаешь, сколько у него врагов? Конечно, он всегда прятал свою семью, а после увольнения основательно спрятался сам.

– И вы не знаете, где он живёт?

– Я лишь предполагаю. И это один из тех небольших островков, которые числятся нежилыми. Вероятнее всего, Сто Одиннадцатый.

– Почему? – уточнил Рьен, доставая из-за пазухи папку с делом.

– Не поверишь, – ухмыльнулся мастер Альс, – но мастер Дьюш всегда верил в колдовство цифр и питал слабость к определённым цифровым сочетаниям. Один, один и снова один – как частокол, как забор и ограда. Как защита. Но, повторюсь, дружище, это только предположение.

– А это, – Рьен показал щель в папке, – не ваша работа?

– Нет, – нахмурился старый сыскник, слеповато прищурившись. – И, знаешь, меня это не удивляет. Меня бы и пустая папка не удивила, и чистые листы обманкой, и полное отсутствие дела. Очень уж закрытый был, – и он пронизательно посмотрел на бывшего ученика: – А теперь выкладывай, зачем пришёл.

Рьен спрятал папку и честно всё рассказал – опасная призрачная девочка, вероятные пятьдесят лет назад и кое-что натворивший глава сыскного отдела убийств.

– Вот знаешь, снова не удивлён, – хмыкнул мастер Альс. – Жёсткий он был человек. Жестокий во многом. По головам шёл, ни с кем не считался. Ты его легендой запомнил, а я при нём помощником много лет отслужил. И если для расследования нужно было убить – он бы убил. И если нужно было посадить родителей, оставив ребёнка одного, – он бы посадил. Поднял бы руку на ребёнка? Тут не уверен. Но если он знал, что от его действий пострадает ребёнок... Нет, не остановился бы. Убил ли он эту девочку? Не факт. Виновен ли в её смерти опосредованно? Да, возможно.

– Почему был? – зацепился Рьен. – Почему «жесткий он был?»

– Потому что при смерти. Одной ногой на Призрачном причале, – пояснил старый сыскник. – В последний день осени он внезапно ко мне в гости нагрнул – вот как с тобой сейчас тут же с ним сидели, прошлое вспоминали, о старых делах трепались. Он вроде крепкий, подтянутый – сроду не скажешь, что болен. А оказалось, болен. Сам-то мастер Дьюш ничего не сказал, только обмолвился при прощании, вроде как в шутку, что больше не увидимся, а жена моя – она же лекарь, – после сказала, что он вряд ли до зимы доживёт. Определила, когда нам чай приносила, по каким-то признакам, что... всё.

Рьен достал записку от матушки Шанэ, буквально за полчаса до встречи доставленную призрачным помощником, и показал мастеру Альсу.

– Значит, и верно, не свидимся больше, – печально кивнул он. – Значит, и верно, виноват наш старик...

– Однако доказательств нет, – нахмурился Рьен. – Кроме того, что данные девочки исчезли из Регистрационного архива.

– А ты знаешь, где и кем работала его жена? – хитро сверкнул глазами старый сыскник.

– Конечно, нет, – Рьен внимательно посмотрел на бывшего наставника и понял: – Похоже, да.

– Вот и ответ. И твой помощник вскоре его найдёт. Он у тебя парень толковый – Мьёл-то. Только вместо себя не ставь, когда закончишь. Он слишком рискованный и склонен к странным колдовским опытам. Ему руководящая рука нужна, чтобы по правилам работал. Но ты это, конечно, и сам знаешь. Бери матушку Шанэ, призрака и езжай на Сто Одиннадцатый остров, дружище, да не медли. Не жди подтверждений. Пока не поднялись туманы. И пока, надеюсь, мастер Дьюш ещё жив.

– Спасибо, – Рьен встал и улыбнулся. – Большое вам спасибо.

– Всегда рад помочь, – тепло ответил мастер Альс. – И всегда рад видеть. Забегай по зиме, как дел меньше станет.

– Обязательно, – пообещал Рьен.

А на выходе из сада негромко сказал невидимому призрачному помощнику:

– Ты всё слышал. Беги за хозяйкой. Встречаемся на Сто Одиннадцатом острове. И надеюсь, что нам повезёт.

Не повезло – ошибся старый наставник. Сто Одиннадцатый остров – крохотный клочок земли, усыпанный мощными мшистыми валунами, – оказался нежилым, без причала, но с низкими берегами и доступный для ходьбы. И матушка Шанэ пока отсутствовала.

– Не отчаливаем, – велел Рьен ведомственному лодочнику. – Ждём.

Он сел на мшистый валун, открыл дело мастера Дьюша и погрузился в изучение. Не может быть, чтобы совсем никаких подсказок не было. Не может живой человек исчезнуть с концами. Даже если он старый и опытный сыскник, который опасается за свою жизнь и жизнь своей семьи. И если, как уверял мастер Альс, мастер Дьюш серьёзно верил в колдовство цифр...

Когда через полчаса к острову подошла лодка с матушкой Шанэ, Рьен уже кое-что понял и имел пару версий. Это ведь при мастере Дьюше придумали прятать следящие артефакты в «проклятых» местах, как и, собственно, создавать так называемые проклятые места. И не для того ли хитрый старый мастер всё это устроил, чтобы заодно самому спрятаться? На самом проклятом из всех возможных острове? Куда совершенно точно никто не сунется... даже мёртвый? Мастер Дьюш ведь пару лет поработал с матушкой. И должен был хотя бы знать о призраках.

Рьен помог матушке Шанэ выбраться из лодки и сразу спросил:

– Скажите, матушка, есть ли в Семиречье такие места, куда не сможет попасть ни один призрак?

Матушка поёжилась, задумалась и неуверенно ответила:

– Не знаю, сынок. Природных образований нет. Природа помехи призракам точно не создаёт. А вот люди... – и её озарило: – А помнишь особняк Эвы? Помнишь, там есть стена с защитой от призраков? Если предок-колдун Эвы построил такой дом для себя, то почему бы ему не построить похожие для других? Правда, он мог быть не единственным северным праколдуном с такими знаниями о духах... – и осторожно уточнила: – Ты полагаешь, виновник... боялся? Призраков?

– Пятьдесят предполагаемых лет девочка спала, – Рьен вытащил из кармана пальто крохотную склянку. – Почему? Почему Тьита сразу после смерти не попыталась достать виновника? И почему сейчас отправилась в ведомство, а не к нему? Думаю, она прекрасно понимала: не я ей нужен. Или девочка совсем ничего не помнит – даже лиц? Но дорогу-то к ведомству вспомнила. И дверь, о которой мало кто знает. Вероятно, Тьита бывала в ведомстве раньше. И нападением привлекала к себе внимание – того, кто разберётся в её деле. Потому что о вас она не знала – вас в то время в Семиречье не было. Потому что иначе подобраться к нужному человеку у неё не получилось. Потому что он знал о ней и защитился. А если вы на досуге изучите Сыскное ведомство, то наверняка найдёте там старые следы защиты от призраков. Уверен.

Матушка Шанэ вопросительно посмотрела на Тьиту, но та стояла, опустив глаза и теребя кружева на подоле. И на матушкин взгляд никак не отреагировала.

– Не знала обо мне – это верно, – согласилась матушка. – И колдовства от туманов набралась столько, что мой зов наверняка даже не слышала. Или не считала нужным отзываться. Не знала ведь, что я вам помогаю – и ей бы обязательно помогла.

– Я отойду на минуту, а вы отпустите своего лодочника, – предупредил Рьен. – Дальше пойдём с моим.

И озабоченно посмотрел на тонкую дымку над серебристыми водами реки Лунной. Надо поторапливаться...

Он быстро отыскал удобный, почти плоский голый камень, разбил склянку, склонился над лужей чёрной воды и позвал:

– Гьяна!

В воде проступило миловидное женское лицо. Морщинки стрелками в уголках синих глаз, тёмные волосы строгим пучком, нос горбинкой, недовольно сжатые губы. И строгий высокий ворот платья. Несмотря на скорые туманы, она ещё на работе.

– Что, опять неймётся? – сухо спросила она вместо приветствия. – Ты сколько моего ребёнка в подвале держать будешь?

Вьюза, мамина любимица, нечасто, но прилежно работала в архиве Сыскного ведомства. А Гьяна служила главным архивариусом при Колдовском ведомстве.

– Вот как отучится, так и заберу, – Рьен улыбнулся. – Гьян, не в службу, а в дружбу и очень срочно. Нужны данные из архива.

– Говори, – нахмурилась она.

– Слышала об особняке Эвы Ру и колдовской стене? Конечно, слышала. Ваши случайно не ищут дома, которые старик Ру строил? Или в которых поработал? Или с подобной защитой?

– Случайно ищут, – Гьяна кивнула. – И ещё не один год искать будут. До сих пор нам подобные дома не попадались. Мы или не знали, или забыли о таких интересных защитах. Пока работа праколдуна Ру – наша единственная зацепка. Загадку-то мои колдуны так и не разгадали. Ищут нежилые дома. Любая защита, как ты знаешь, от живых подпитывается. В нежилых домах она дряхлеет, и её проще распознать и на составные разложить.

Рьен ничего подобного не знал, но на всякий случай кивнул.

– У меня и список известных под рукой. Но имей в виду: половина из них найдена по архивам, но не изучена. Наши ждут зимы, чтобы туда наведаться, – бродить в туманах колдуны тоже не любят. Так тебе список нужен? Перешлю через минуту. Не благодари. Ребёнка лучше из подвала заberi. И в хорошую группу определи. Желательно не в свою, – Гьяна сказала как отрезала. – Ты слишком часто суёшь нос не туда, куда нужно.

И изображение пропало. Рьен перевёл дух: он не любил просить об услугах и отвлекать людей от работы, но раз так всё сложилось... Камень намок, и на его поверхности образовалось письмо. Рьен бегло изучил список, вспомнил «проклятые» места, свёл данные с кое-какими цифрами из личного дела мастера Дьюша и поспешил к лодке.

Да, опять повезёт – не повезёт, угадал – не угадал, но попробовать стоит. Сегодня до больших туманов. Завтра, если сегодня не сложится. Послезавтра. Интересных совпадений несколько. Начнём с самого заметного.

– Матушка, а девочка помнит о месте своей смерти? – спросил Рьен шёпотом, садясь на лавку.

Тыта его вопрос, конечно, услышала и сразу сжалась.

– Если и помнит, то не скажет, – тихо ответила матушка Шанэ, кутаясь в плед. – Во-первых, потому что при жизни была немой, и ей бесполезно объяснять, что дух с мёртвым телом уже не связан и сейчас она может говорить. Слишком привыкла. Никогда не умела. А во-вторых, смерть – это травма. Многие забывают о месте смерти навсегда.

– Улло, к Двести Восьмому острову, – обернулся Рьен к лодочнику. – Если я правильно помню, он тоже на Лунной. И недалеко отсюда.

Лодочник кивнул, оттолкнулся веслом от берега и достал склянку с ветром. А Тыта, услышав название острова, так заметно вздрогнула, так съёжилась...

– Похоже, ты прав, сынок, – заметила матушка.

– Очень на это надеюсь, – озабоченно кивнул Рьен, снова вытащил из-за пазухи дело мастера Дьюша и начал что-то проверять.

А матушка окликнула загодя выпущенных на волю стервятников. Обследовать незнакомый остров до прибытия не помешает.

Двести Восьмой остров утопал в лунном тумане. В густой пелене сверкали серебряные и золотые всполохи колдовства, а рядом с ней, невидимые людям, кружили два стервятника. Внутрь попасть им так и не удалось – туман стоял колдовской стеной. От призраков. И помощники, сколько ни бились, ни одной щели не нашли.

– Похоже, сынок, без приглашения хозяина сюда не попасть, – матушка Шанэ подошла к стоящему на носу Рьену.

Тот несколько нервно поправил шляпу и сообщил:

– Письмо я уже отправил. Или нас пропустят, или...

– Ты не слышал о южных Затейниках? – недобро улыбнулась матушка. – У нас на Юге тоже есть Мёртвое время. И тоже есть злые ветра. Но у нас они, точно говорю, отчего-то злее – на части рвут, и ни одно колдовство от них не спасёт. Сильные колдуны могут их приручать и запирают в песке – и так мы со временем вычистили Юг от Затейников. Почти. Кое-где они остались, но одинокий ветер не столь страшен, как их стая. У меня свой Затейник тоже есть. Не пригласит хозяин – сами войдём.

Хозяин однако пригласил. Минут через десять в тумане образовалась явственная щель.

– Улло, видишь? – оглянулся Рьен. – Давай туда.

И он снова нервно поправил шляпу. Являться с обвинением к легенде сыска – это не обычного убийцу в допросной потрошить... А ещё отчего-то Мьёла рядом не хватало. Наверное, потому что матушкиного колдовства Рьен толком не видел, а в Мьёле был более чем уверен.

– Не переживай, сынок, – проникательно улыбнулась матушка Шанэ. – Со мной не пропадёшь. И если он открыл ворота – значит, готов. И тебе даже говорить ничего не придётся. Перед смертью облегчить душу – это святое.

Тыта, едва из тумана проступили очертания острова и старого трёхэтажного особняка на берегу, тихо всхлипнула и прижалась к матушке.

– Ничего-ничего, милая, – прошептала матушка Шанэ, обняв призрачную девочку за плечи. – Тебя здесь никто не обидит. Не надо бояться.

Скрытый туманом, Двести Восьмой чудился небольшим, а на самом деле оказался весьма приличным. Низкая береговая линия, заросшая старым лесом и щедро усыпанная жёлто-красной листвой, тянулась покуда хватало глаз, и здесь с удобствами разместилось бы двадцать-тридцать домов с большими садами. А рядом, на туманной границе, из тихих серебристых вод торчала маковка скалы с одинокой сосной – истинный Двести Восьмой остров, отмеченный на картах.

Вероятно, это не мастер Дьюш спрятал крупный остров, а некто влиятельный и задолго до него. А старый мастер просто унаследовал – и безымянный остров, и его тайны.

Хозяин особняка ждал на причале. В лёгком расстёгнутом плаще, без капюшона, шляпы и шарфа, всё такой же, каким Рьен его помнил, – очень высокий, осанистый, уверенный в себе и бородатый. Отросшие седые волосы падали на плечи, светлые глаза – хищные и неподвижные, как у змеи перед броском, но вот улыбка... пожалуй, добрая.

Когда лодка стукнулась о причал, мастер Дьюш сноровисто подхватил брошенную Улло верёвку, привязал её к одному из причальных колец и вежливо протянул матушке руку.

– Не убийца, – сказала она сразу и без колебаний приняла помощь. – Не вижу связей. Как и мои помощники. Но дров наломал, а?

– Всё расскажу, – грустно улыбнулся старый мастер. – Давно жду. И, честно говоря, думал, Альс первым сообразит.

– Не в его дежурство пришла Тыта, – негромко ответил Рьен, тоже выбравшись на причал. – Здравствуйте, мастер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.